

Эксперт-криминалист

№ 1
2020

Федеральный научно-практический журнал

Издается с 2005 г.

Учредитель: Издательская группа "Юрист"

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охраны культурного наследия
Per. ПИ № ФС77-52166 от 19 декабря 2012 г.

Периодичность — 4 номера в год

Главный редактор:

Комиссарова Я.В.

Редакционный совет:

Ковалев А.В., Леканов Ю.И.,
Пинчук П.В., Смирнова С.А.,
Токарев П.И., Шишко А.В.,
Алиев Б.А. (Азербайджан),
Крайникова М. (Словакия),
Малевски Г. (Литва).

Главный редактор ИГ «Юрист»:

Гриб В.В.

Заместители главного редактора:

Бабкин А.И., Белых В.С., Ренов Э.Н.,
Платонова О.Ф., Трунцевский Ю.В.

Научное редактирование и корректура:

Швечкова О.А.

Центр редакционной подписки:

(495) 617-18-88 — многоканальный

Отдел работы с авторами:

avtor@lawinfo.ru,
тел. (495) 953-91-08

Адрес редакции/издателя:

115035, г. Москва,
Космодамианская наб., д. 26/55, стр. 7
<http://www.lawinfo.ru>

Подписной индекс по каталогам:

«Почта России.
Электронный каталог» — П1798,
«Объединенный каталог.
Пресса России» — 91912

Формат 60x90/8. Печать офсетная.
Физ.печ.л. — 5. Усл.печ.л. — 5.
Общий тираж 1000 экз. Цена свободная.

Отпечатано в типографии
«Национальная полиграфическая группа».
248031, г. Калуга, п. Северный, ул. Светлая,
д. 2. Тел. (4842) 70-03-37
ISSN — 2072-442X

Номер подписан 29.01.2020.
Номер вышел в свет 19.02.2020.

Опубликованные статьи выражают мнение их авторов, которое может не совпадать с точкой зрения редакции журнала. Полная или частичная перепечатка авторских материалов без письменного разрешения редакции преследуется по закону.

Вниманию наших авторов! Отдельные материалы журнала размещаются в электронной правовой системе «КонсультантПлюс». Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) **eLIBRARY.RU**

Включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

СОДЕРЖАНИЕ

- Аникеев О.Е.** Биологические следы двух и более лиц — генетический аспект 3
- Антонович Е.К.** Проблемы достоверности показаний свидетелей, полученных в досудебном производстве с использованием информационных технологий 7
- Баринов Е.Х., Жаркова Е.С., Калинин Р.Э., Комиссарова Я.В.** Экспертное исследование показаний свидетелей по делам о ненадлежащем оказании медицинской помощи 11
- Калиновский К.Б., Конин В.В.** К вопросу о независимости судебного эксперта 15
- Лаврухин С.В.** Проблемы развития теории криминалистической идентификации 18
- Першин А.Н., Романов Е.Ю.** «Обновленные» правила обращения с документами — доказательствами 22
- Руденко М.Б., Шашин Д.Г.** Установление признаков термической деструкции акриловых лакокрасочных покрытий кузовов автотранспортных средств с целью производства пожарно-технической экспертизы 25
- Яковлев Д.Ю.** Установление личности: современное состояние проблемы 30

Трибуна молодых ученых

- Попов В.П.** Частные криминалистические теории в системе криминалистического обеспечения расследования фальсификации доказательств 33
- Тью Ван Хунг.** К вопросу о тактическом назначении судебных экспертиз при расследовании уголовных дел о незаконном обороте наркотиков в Социалистической Республике Вьетнам 36

- ПРЕСС-РЕЛИЗ** Международной научно-практической конференции «Актуальные вопросы судебно-экспертной деятельности, современные проблемы, тенденции и перспективы развития криминалистики и судебной экспертизы» (25–27 сентября 2019 года, Республика Армения) 39

Forensics analyst

Federal science-practice journal

No. 1
2020

Published from 2005

Founder: Jurist Publishing Group

REGISTERED AT THE FEDERAL SERVICE FOR THE MONITORING OF COMPLIANCE WITH THE LEGISLATION IN THE SPHERE OF MASS COMMUNICATIONS AND PROTECTION OF CULTURAL HERITAGE REG. PI № FC77-52166 of December 19, 2012.

Published quarterly

Editor in Chief:

Komissarova Ya.V.

Editorial Board:

Kovalev A.V., Lekanov Yu.I.,
Pinchuk P.V., Smirnova S.A., Tokarev P.I.,
Shishko A.V., Aliev B.A. (Azerbaijan),
Krajnikova M. (Slovakia),
Malevski G. (Lithuania).

Editor in Chief of Jurist Publishing Group:

Grib V.V.

Deputy Editors in Chief:

Babkin A.I., Bely'kh V.S., Renov E.N.,
Platonova O.F., Truntsevskij Yu.V.

Scientific editing and proofreading:

Shvechkova O.A.

Editorial Subscription Centre:

(495) 617-18-88 — multichannel

Authors' Department:

avtor@lawinfo.ru
(495) 953-91-08

Editorial office / publisher:

Bldg. 7, 26/55 Kosmodamianskaya Emb.
Moscow, 115035
<http://www.lawinfo.ru>

Subscription in Russia:

Russian Post. Digital Catalogue — П11798,
United Catalogue.
Russian Press — 91912

Size 60x90/8. Offset printing.

Printer's sheet — 5.

Conventional printed sheet — 5.

Circulation 1000 copies. Free market price.

Printed by National Printing Group Ltd.

248031, Kaluga, settlement Severnij,
street Svetlaya, h. 2. Tel. (4842) 70-03-37
ISSN — 2072-442X

Passed for printing 29.01.2020.

Issue is printed 19.02.2020.

The articles express opinions of their authors which do not necessarily coincide with the viewpoint of the editorial office of the journal. All rights reserved. Complete or partial reproduction of authors' materials without prior written permission of the Editorial Office shall be subject to legal persecution.

Attention our authors! Certain materials of the journal shall be placed at legal system "ConsultantPlus". Journal is included in the database of the Russian Science Citation Index **eLIBRARY.RU**

Included into the list of leading reviewed scientific journals and periodicals, where basic scientific results of doctoral and candidate theses shall be published.

CONTENTS

Anikeev O.E. Biological Traces of Two and More Persons: A Genetic Aspect	3
Antonovich E.K. Issues of Reliability of Witness Testimony Received in the Course of Pre-Trial Proceedings Using Information Technology	7
Barinov E.Kh., Zharkova E.S., Kalinin R.E., Komissarova Ya.V. Expert Examination of Witness Testimony in Cases on Undue Delivery of Healthcare Services	11
Kalinovskiy K.B., Konin V.V. On Independence of a Forensic Expert	15
Lavrukhin S.V. Issues of Development of the Criminalistic Identification Theory	18
Pershin A.N., Romanov E.Yu. "Updated" Rules for Handling Documentary Evidence.....	22
Rudenko M.B., Shashin D.G. Establishment of Attributes of Thermal Destruction of Acrylic Paint Coatings of Vehicle Bodies Aimed at Carrying out a Fire Investigation.....	25
Yakovlev D.Yu. Establishment of Identity: The Modern Status of the Issue	30

YOUNG SCIENTISTS' TRIBUNE

Popov V.P. Private Criminalistic Theories in the System of Criminalistic Support of Evidence Tampering Investigation	33
Chu Van Hung. On Tactical Designation of Forensic Examinations in Investigation of Criminal Cases on Illicit Drug Trafficking in the Socialist Republic of Vietnam	36

PRESS RELEASE of the International Scientific and Practical Conference Relevant Issues of Forensic Examination, Modern Issues, Tendencies and Development Prospects of Criminalistics and Forensic Examination (September 25 to 27, 2019, Republic of Armenia)	39
---	----

Биологические следы двух и более лиц — генетический аспект*

Аникеев Олег Евгеньевич,

руководитель отделения молекулярно-генетических исследований экспертно-криминалистического отдела следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Республике Татарстан
Anikeev_OE@16.sledcom.ru

В статье рассмотрены вопросы, возникающие при производстве молекулярно-генетических судебных экспертиз, в частности, при анализе и интерпретации результатов, полученных в ходе исследования биологических следов, происходящих от двух и более лиц. Описаны факторы, влияющие на результаты электрофоретического разделения ДНК. Приведены примеры из экспертной практики и предложены пути решения отдельных вопросов.

Ключевые слова: молекулярно-генетическая судебная экспертиза, биологический материал, генетический профиль.

The article reviews the issues arising in the course of carrying out molecular genetic forensic examinations, in particular, at the analysis and interpretation of results of research of biological traces of two and more persons. The factors affecting results of the electrophoretic DNA separation are described. Examples from the expert practice are given and solutions of some issues are proposed.

Keywords: molecular genetic forensic examination, biological material, genetic profile.

Производство судебной молекулярно-генетической экспертизы включает пять основных этапов, что хорошо известно как специалистам, так и следователям. Первым, одним из наиболее важных этапов является осмотр вещественных доказательств с целью обнаружения и изъятия предполагаемых биологических следов. Далее проводят действия, направленные на установление природы изъятых биологического материала (применяют серологические методы, микроскопию), и переходят к экстракции ДНК. Затем осуществляют процедуру определения количества и качества полученного стоквого препарата с последующей нормализацией нуклеиновой кислоты. Это важные подготовительные действия для корректного проведения реакции амплификации — полимеразной цепной реакции (далее — ПЦР). ПЦР представляет собой процесс контролируемого копирования участков нуклеиновой кислоты, позволяющий амплифицировать конкретные последовательности (участки) ДНК¹. Электрофоретическое разделение продуктов амплификации и установление аллелей локусов ДНК — предпоследний этап исследования, который на сегодняшний день полностью автоматизирован. Заключительным этапом производства судебной молекулярно-генетической экспертизы является интерпретация полученных результатов — эксперт обобщает, систематизирует данные, полученные на всех предшествующих этапах, проводит статистический анализ результатов.

Очевидно, что все перечисленные действия при проведении судебной молекулярно-генетической экспертизы обязательны, но именно на этапе анализа и интерпретации электрофореграмм в полной мере проявляется степень подготовленности и квалифицированности эксперта. Ошибки на данном этапе приводят к

крайне негативным последствиям, несмотря на то что все предыдущие действия могли быть выполнены верно, согласно методическим рекомендациям. Электрофореграммы представляют собой графики измерений детектором интенсивности свечения флуоресцентных меток в виде последовательности цветных пиков (аллелей), соответствующих исследуемым участкам ДНК (локусам). Расшифровку электрофореграмм проводят с помощью специализированных компьютерных программ². Электрофореграммы характеризуют генетический профиль, выявленный специалистом в ходе проведения экспертизы.

В повседневной практике эксперты-генетики проводят исследование ДНК по микросателлитным tandemным повторам — локусам с длиной повтора от двух до шести пар нуклеотидов³.

На практике условно выделяют три категории генетических профилей: «чистые» — теоретически происходят от одного лица; «смешанные» — теоретически происходят от двух или более лиц; многоаллельные — теоретически происходят от большого количества лиц, их анализ мало информативен ввиду низкой идентификационной значимости (зачастую экспертами статистическая обработка и интерпретация таких следов не проводится).

В локусах «чистого» объекта обычно выявляют один или два аллеля — это именно те конкретные последовательности ДНК, которые избирательно амплифицируют (копируют) в процессе ПЦР. Редко выявляют три аллеля в локусе одного индивидуума. Обычно это связано с процессами мутации, деградации ДНК или методическими ошибками, допущенными на этапах амплификации ДНК, электрофоретического разделения продуктов амплификации. Интерпретация «чистых» объектов достаточно

* **Biological Traces of Two and More Persons: A Genetic Aspect**

Anikeev Oleg E., Head of the Division of Molecular Genetic Testing of the Expert and Criminalistics Department of the Investigative Directorate for the Republic of Tatarstan of the Investigative Committee of the Russian Federation

проста и не вызывает трудностей, тем более если в распоряжении эксперта имеются образцы для сравнения. Подтверждая свои выводы статическими расчетами, эксперт дает категоричный вывод о происхождении обнаруженного биологического материала, поскольку полученные статистические данные по величине перекрывают население планеты Земля.

В *резолютивной* части заключения обычно указывают: «Вероятность случайного совпадения генетических признаков по совокупности составляет $1 : 8,49 \times 10^{23}$. Полученная величина означает, что выявленным сочетанием генетических признаков теоретически обладает один из $8,49 \times 10^{23}$ человек. Значение вероятности свидетельствует о том, что среди населения планеты Земля (около $7,6 \times 10^9$ человек) теоретически только один человек обладает выявленным сочетанием генетических признаков. Следовательно, кровь человека на пиджаке подозреваемого П. произошла от потерпевшего К.»

Иная ситуация складывается при интерпретации «смешанных» следов, которые условно разделяют на две подкатегории. К первой подкатегории можно отнести биологические следы, теоретически происходящие от двух или более лиц. В локусах такого «смешанного» объекта обычно выявляют от двух до четырех аллелей. Ко второй подкатегории «смешанных» объектов можно отнести биологические следы, теоретически происходящие от трех или более лиц. В фореграммах таких следов выявляют от трех до шести пиков. Анализировать данные «смешанные» следы зачастую крайне сложно. Подробнее остановимся на проблемах интерпретации таких результатов и рассмотрим возможные пути решения.

Поскольку все биологические системы являются открытыми, то есть они свободно обмениваются с окружающей средой веществом и энергией, на биологический материал, находящийся на вещественном доказательстве, постоянно действуют множество факторов. Это может быть термическое или химическое воздействие; влияние микроорганизмов, которые воспринимают биологический материал как питательную среду; действие УФ-излучения солнечных лучей и даже применение криминалистической техники, также многое другое. Все эти факторы приводят в том числе к фрагментированию длинноцепочечных фрагментов ДНК — деградации.

Деградация существенно затрудняет корректную амплификацию ДНК, поскольку вызывает снижение интенсивности сигнала. Влияя в большей степени на возможность детектирования длинноцепочечных последовательностей ДНК, деградация может стать причиной «выпадения» аллеля⁴. В этом случае как минимум один пик в фореграмме будет крайне низким, возможно, он не детектируется программой обработки результатов. При высокой степени деградации сигналы в некоторых локусах могут полностью отсутствовать⁵. Кроме того, деградация ДНК может привести к появлению ложных аллелей, когда один длинный фрагмент ДНК, распадаясь, амплифицируется, как несколько коротких фрагментов.

Оценить степень деградации ДНК в объекте позволяют методы с применением современных коммерческих наборов для ПЦР в реальном времени. В частности, существует показатель индекса деградации — это отношение короткоцепочечных фрагментов ДНК к длинноцепочечным фрагментам в стоковом растворе нуклеиновых кислот. При показателе индекса

более единицы можно сделать вывод о наличии деградации ДНК в биологическом материале. Однако в «смешанном» биологическом следе вклад каждого компонента ДНК различен.

Рассмотрим такой пример: смесь ДНК, состоящая из двух компонентов — высокомолекулярного с преобладающим количественным содержанием компонента «А» и деградированного с минимальным количественным содержанием компонента «В». Показатель индекса деградации стокового раствора ДНК будет меньше или равен единице, что соответствует норме. Таким образом, по данному объекту будет дана ошибочная оценка степени деградации ДНК, генетические признаки минорного компонента будут выявлены частично или не выявлены вообще.

В повседневной практике эксперту часто приходится работать с деградированным материалом в силу того, что объектами исследования являются биологические следы, подверженные воздействиям различных факторов окружающей среды. Единственно возможный путь решения данной проблемы — применение более мягких способов выделения ДНК тех биологических следов, в которых теоретически может происходить деградация биологического материала. Кроме того, всегда важно оценивать степень деградации ДНК и учитывать ее при интерпретации результатов, особенно в «смешанных» следах.

Применяя современные методы исследования и новейшее оборудование, ни один эксперт не застрахован от ошибки в ходе работы. Таким примером в молекулярно-генетическом анализе является контаминация — случайное загрязнение объекта чужеродной ДНК. Если собственный профиль ДНК объекта не определен, контаминация может приводить к выявлению не присущего объекту профиля ДНК и служить причиной идентификационной ошибки, которую достаточно просто обнаружить и устранить на этапе производства экспертизы. В случае выявления собственных аллелей объекта контаминация приводит к выявлению «смешанного» профиля ДНК⁶.

Загрязнение объекта может произойти практически на любом этапе работы от изъятия вещественного доказательства до электрофоретического разделения ампликонов⁷. В рамках данной статьи рассмотрим пример, когда контаминация не была замечена экспертом.

Биологический материал был занесен на вещественное доказательство до назначения экспертизы (до или во время изъятия, в процессе хранения, транспортировки) или во время экспертного исследования на последующих этапах работы посторонняя ДНК занесена в исследуемый экстракт, что стало причиной выявления «смешанного» генетического профиля.

Несомненно, большую информативную ценность для следствия представляет рассмотренный ранее «чистый» след ДНК. Представляется, что задача эксперта, выявившего «смешанный» след не деградированной ДНК, — вернуться к этапу изъятия биологического материала с вещественного доказательства и повторить исследование с целью получения более информативных данных. Это позволит исключить контаминацию на этапах работы с ДНК.

Кроме того, в распоряжении экспертов имеются автоматизированные базы данных генетической информации, позволяющие получить информацию об источнике происхождения полученного следа⁸. В России

эта возможность реализуется эксплуатацией объединенной поисковой федеральной системы генетической идентификации «Ксенон-2»⁹. Кроме того, разработчики программ интерпретации результатов электрофореза и установления STR-локусов предлагают возможность анализа на совпадение полученных результатов с образцами лиц (например, коллектив лаборатории), внесенные в базу данных этих программ. Проверка по базам данных полученных «смешанных» профилей и «чистых» профилей неустановленных лиц до этапа статистического анализа позволяет исключить возможную контаминацию и обеспечивает достоверность результатов.

При анализе электрофореграммы эксперту важно отличать истинные сигналы амплификации (пики) в соответствующих участках ДНК (аллели в локусах) от артефактов.

Рассмотрим несколько примеров. «Проскакивание» аллеля или «pull-up effect» — достаточно распространенный пример артефакта, причиной появления которого зачастую является ошибка в нормализации ДНК или, другими словами, слишком большое ее количество, вносимое в ПЦР. Технически происходит из-за ошибки программного обеспечения для анализа результатов электрофореза различать цвета флуоресцентных красителей, используемые при формировании результатов. Пик, наблюдаемый в одном флуоресцентном красителе (например, синий), регистрируется датчиком для другого флуоресцентного красителя (например, зеленого или желтого) и генерирует второй пик, который является техническим артефактом. Пик артефакта может иметь значительную высоту, чтобы считаться истинным аллелем. Такой единичный артефакт можно легко обнаружить в «чистом» генетическом профиле, особенно если он проявляется третьим аллелем в локусе, в то время как в «смешанном» следе, где можно наблюдать до шести аллелей в локусе, его обнаружение достаточно затруднено, что приводит к фактическим и статистическим ошибкам в анализе. Корректное определение концентрации ДНК и последующая ее нормализация для внесения в ПЦР-реакцию практически исключают риск появления этого артефакта.

Статтеры — небольшие пики на электрофореграмме, которые наблюдают непосредственно перед или после реального пика. Этот артефакт отличается от истинного аллеля на одну повторяющуюся единицу. При анализе «смешанного» следа они очень часто имитируют истинный аллельный сигнал. К сожалению, выявить этот артефакт можно лишь по косвенным признакам, что повышает вероятность появления экспертной ошибки.

Часто выявляемыми неспецифическими фрагментами являются N-фрагменты. Их появление связано с тем, что фермент ДНК-полимераза обладает свойством достраивать во вновь синтезированную цепь ДНК один дополнительный нуклеотид. В результате этого свойства на основе матричной цепи ДНК синтезируются два типа фрагментов: N+1-фрагменты, которые длиннее на один нуклеотид, и N-фрагменты, соответствующие истинной длине исходной ДНК. Интенсивность N-фрагментов всегда ниже, чем у N+1-фрагментов. При анализе электрофореграмм эксперт должен уметь различать сочетание N-фрагментов и N+1-фрагментов, различающихся по длине на 1 пару нуклеотидных оснований.

Присутствие N-фрагментов обычно не затрудняет установление истинных аллелей, однако следует внима-

тельно анализировать электрофореграммы локусов, аллели которых могут отличаться на одну пару оснований (например, аллели 9.3 и 10 в локусе TH01)¹⁰.

Важным аспектом при анализе «смешанного» профиля является понимание природы биологических следов. Особенности биологического материала и предмета-носителя влияют на получение результата. Например, при исследовании биологической смеси спермы и влагалищного эпителия, при достаточном количестве двух компонентов, эксперт с большой долей вероятности получит «смешанный» генетический профиль. В распоряжении экспертов имеется метод дифференциального лизиса, который позволяет разделить эти два компонента¹¹. Однако в случае смеси буккального и влагалищного эпителия, спермы от двух или более мужчин данный метод уже неэффективен.

Несколько иначе обстоит ситуация с анализом результатов так называемых «контактных» следов, которые образуются, например, при контакте поверхности кожных покровов преступника с одеждой потерпевшего. Такие следы преимущественно представляют собой смесь эпителиальных клеток и пота. В данной ситуации эксперту необходимо понять, какова природа биологического следа. Для этого проводятся серологические и микроскопические исследования. Кроме того, ознакомившись с фабулой и материалами (протоколы допроса участников процесса, фототаблицы) уголовного дела, эксперт может сформулировать гипотезу о половой принадлежности лиц, возможно, вовлеченных в процесс следообразования.

Например, в случае анализа смешанного следа, предполагаемыми участниками которого могли быть две женщины и один мужчина, целесообразно провести исследование локусов мужской ДНК (короткие tandemные повторы Y-хромосомы), причем провести анализ по широкой маркерной линейке для повышения достоверности полученных результатов¹². Таким образом, комплексный анализ аутомсомной ДНК и локусов Y-хромосомы позволит дать более объективный ответ о возможных участниках «смешанного» биологического следа.

Современным оптимальным решением проблемы получения смешанных следов биологического происхождения может быть физическое разделение разных типов клеток, последующий их генетический анализ и, как следствие, получение «чистого» генетического профиля.

Коллектив авторов фармацевтической компании «Menarini Silicon Biosystems» представил технологию «DEPAarray™», которая основана на детектировании флуоресцентно меченых клеток с последующим их разделением в автоматическом режиме. Система «DEPAarray™» сканирует мишени, измеряет интенсивность флуоресценции и морфологические параметры клеток. Изолированные клетки помещают в буферную систему для последующего генетического анализа. Ценность представленной технологии в том, что она позволяет изолировать клетки из смешанных биологических следов, будь то кровь (лейкоциты), слюна, сперма, при этом влияние человеческого фактора (эксперта) на данный процесс минимизировано¹³.

Известна технология лазерной захватывающей микродиссекции «LCM» — дифференцированные клетки, расположенные на специальной подложке, идентифицируют микроскопически и под воздействием

лазерного луча прикрепляют их к подложке. Технология позволяет изолировать клетки крови, спермы, эпителиальные клетки, предоставляя широкие возможности при использовании методов окрашивания препарата¹⁴.

Несколько иная технология, основанная на методе проточной цитометрии, — сортировка клеток с активированной флуоресценцией (fluorescence-activated cell sorting, FACS). Клетки метят флуоресцентным красителем, который возбуждается под действием лазерного луча. Для сортировки мишеней на приборе-сортере используют различия в эмиссии флуоресцентного сигнала¹⁵.

К сожалению, перечисленные выше технологии, несмотря на высокую точность и надежность, на сегодняшний день нашли применение в основном в медицине и не получили широкого распространения в экспертных лабораториях.

В заключение необходимо отметить, что получение «смешанного» генетического профиля, его анализ в рамках экспертизы — достаточно распространенное явление в современной экспертной практике. Это связано в первую очередь с применением новых, более чувствительных методов экстракции и амплификации нуклеиновых кислот. Важно осуществлять тщательный анализ каждого выявленного сигнала (пика) на предмет дифференциации аллельных фрагментов ДНК от артефактных, проводить корректную нормализацию нуклеиновых кислот до внесения в ПЦР. Эксперт должен четко понимать, с каким биологическим следом он работает, в каком временном промежутке этот след мог быть образован. На заключительных этапах затруднения могут возникнуть при анализе низкоуровневых пиков на фореграмме. Одним из решений данной задачи является внутрилабораторная валидация рабочих методик по установлению пороговых значений. Несомненно, есть случаи, когда невозможно выявить «чистый» генетический профиль на вещественном доказательстве, но даже «смешанный» след, происходящий от трех и более лиц, грамотно интерпретированный экспертом, может служить достаточным основанием для дальнейшей работы следователя в конкретном направлении.

Литература

1. Абдуллина Е.В. Обязательная геномная регистрация в России глазами судебно-медицинского эксперта: проблемы и перспективы / Е.В. Абдуллина, В.В. Зыков // *Эксперт-криминалист*. 2018. № 1. С. 3–6.
2. Аникеев О.Е. Сравнительная характеристика методов выделения ДНК из различных объектов биологического происхождения при проведении генотипоскопической экспертизы / О.Е. Аникеев, Ю.Г. Степущенко, Н.И. Газетдинов, О.А. Кравцова // *Российский следователь*. 2013. № 1. С. 2–4.
3. Перепечина И.О. Контаминация как причина ошибок при криминалистическом исследовании ДНК / И.О. Перепечина // *Законность и правопорядок в современном обществе*. 2013. № 12. С. 50–54.
4. Россинская Е.Р. Судебная экспертиза: типичные ошибки : монография / Е.Р. Россинская. Москва : Проспект, 2014. 675 с.
5. Стороженко И.В. Исследование ДНК тканей и выделений человека на автоматизированных системах : учебное пособие / И.В. Стороженко, А.Ю. Культин, А.В. Мельников ; под общей редакцией Л.К. Булышевой. Москва : ЭКЦ МВД России, 2011. 148 с.
6. Холопова Е.Н. Добровольная геномная регистрация в Российской Федерации (проблемы практики) / Е.Н. Холопова, А.А. Иванова // *Эксперт-криминалист*. 2019. № 1. С. 15–18.
7. Fontana F. Isolation and genetic analysis of pure cells from forensic biological mixtures: the precision of a digital approach / F. Fontana [et al.] // *Forensic Science International: Genetics*. 2017. № 29. 282 p.
8. Mozayani A. The forensic laboratory handbook procedures and practice : book / A. Mozayani, C. Noziglia [et al.]. Edition 2. Springer Science, 2011. 600 p.
9. Romeika J.M. Recent advances in forensic DNA analysis / J.M. Romeika, F. Yan // *Forensic Research*. 2013. Vol. 512. 13 p.
10. Thompson W.C. The Potential for Error in Forensic DNA Testing (and How That Complicates the Use of DNA Databases for Criminal Identification) : monograph / W.C. Thompson. California, 2008. 49 p.
11. Timothy J. FACS separation of non-compromised forensically relevant biological mixtures / J. Timothy [et al.] // *Forensic Science International: Genetics*. 2015. Vol. 14. P. 194–200.
12. Vandewoestyne M. Laser capture microdissection for forensic DNA analysis / M. Vandewoestyne, D. Deforce // *Forensic Science International: Genetics Supplement Series*. 2011. Vol. 3. P. 117–118.
13. Стороженко И.В., Культин А.Ю., Мельников А.В. Исследование ДНК тканей и выделений человека на автоматизированных системах : учебное пособие / под общ. ред. Л.К. Булышевой. М. : ЭКЦ МВД России, 2008. С. 57.
14. Там же. С. 59.
15. Там же. С. 61.
16. Россинская Е.Р. Судебная экспертиза: типичные ошибки : монография. М. : Проспект, 2014. С. 544.
17. Thompson W.C. The Potential for Error in Forensic DNA Testing (and How That Complicates the Use of DNA Databases for Criminal Identification) : monograph. California, 2008. P. 29–34.
18. Romeika J.M. Recent advances in forensic DNA analysis // *Forensic Research*. 2013. 512:001. P. 47.
19. Thompson W.C. The Potential for Error in Forensic DNA Testing (and How That Complicates the Use of DNA Databases for Criminal Identification). P. 36–38.
20. Romeika J.M. Recent advances in forensic DNA analysis. P. 47.
21. См., напр.: Абдуллина Е.В., Зыков В.В. Обязательная геномная регистрация в России глазами судебно-медицинского эксперта: проблемы и перспективы // *Эксперт-криминалист*. 2018. № 1. С. 5 ; Холопова Е.Н., Иванова А.А. Добровольная геномная регистрация в Российской Федерации (проблемы практики) // *Эксперт-криминалист*. 2019. № 1. С. 16.
22. См., напр.: Стороженко И.В. Исследование ДНК тканей и выделений человека на автоматизированных системах. С. 94 ; Россинская Е.Р. Судебная экспертиза: типичные ошибки. С. 550.
23. Mozayani A. [et al.] The forensic laboratory handbook procedures and practice : book / Edition number 2 — Springer Science, 2011. XII. P. 148.
24. Аникеев О.Е., Степущенко Ю.Г., Газетдинов Н.И., Кравцова О.А. Сравнительная характеристика методов выделения ДНК из различных объектов биологического происхождения при проведении генотипоскопической экспертизы // *Российский следователь*. 2013. № 1. С. 4.
25. Fontana F. [et al.] Isolation and genetic analysis of pure cells from forensic biological mixtures: the precision of a digital approach // *Forensic Science International: Genetics*. 2017. № 29. P. 237.
26. Vandewoestyne M., Deforce D. Laser capture microdissection for forensic DNA analysis // *Forensic Science International: Genetics Supplement Series*. 2011. № 3. P. 117–118.
27. Timothy J. [et al.] FACS separation of non-compromised forensically relevant biological mixtures // *Forensic Science International: Genetics*. 2015. № 14. P. 194–200.

Проблемы достоверности показаний свидетелей, полученных в досудебном производстве с использованием информационных технологий^{*,**}

Антонович Елена Константиновна,
доцент кафедры уголовно-процессуального права
Московского государственного юридического
университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук,
полковник внутренней службы в отставке
e.ant@inbox.ru

Цифровизация уверенно входит в нашу жизнь. Уголовное судопроизводство не является исключением. Электронные доказательства и проблемы, связанные с внедрением электронного уголовного дела, стали предметом обсуждения в научных кругах. Использование цифровых технологий в процессе формирования таких доказательств, как показания свидетеля, должно стать предметом самостоятельного научного исследования. Важно изучить вопрос о взаимосвязи цифровизации и достоверности показаний свидетелей. С учетом изложенного в статье анализируется не только действующее российское и зарубежное законодательство, но и актуальные законотворческие инициативы. Особое внимание уделено анализу процедуры депонирования показаний свидетелей и дистанционного допроса свидетеля.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, свидетели, показания свидетелей, цифровые технологии, дистанционный допрос, депонирование показаний, доказательства.

Digitization is confidently entering our life. Criminal proceedings are not an exception. Electronic evidence and issues related to the introduction of an electronic criminal case have become a subject for discussion in the scientific community. The use of digital technologies in the process of establishment of such evidence as witness testimony should become a subject of an independent research. It is important to study the issue of interrelation between digitization and reliability of witness testimony. Considering the above, the article analyzes not only applicable Russian and foreign laws, but also relevant law making initiatives. Special attention is paid to the analysis of the witness testimony depositing and distant witness interrogation procedures.

Keywords: criminal proceedings, witnesses, witness testimony, digital technologies, distant interrogation, testimony depositing, evidence.

Появление цифровых технологий открывает перед человечеством принципиально новые возможности, в том числе при отправлении правосудия: накопление в электронных базах неизмеримых объемов информации; доступ к информации для неограниченного количества людей; онлайн получение, анализ, систематизацию, классификацию информации по заданным параметрам; наконец, возможность иметь разнообразные документальные формы и образцы для их использования при производстве по конкретному делу, существенно облегчающие и ускоряющие удостоверительную процессуальную деятельность¹.

Проблемы, связанные с электронными доказательствами, активно обсуждаются в научных кругах². В эпоху цифровизации эти доказательства приобретают особую ценность. Но есть доказательства, без которых не обходится ни одно уголовное дело, — это показания свидетелей. Вот почему проблемы, связанные с обеспе-

чением получения достоверных показаний свидетелей, актуальны всегда.

Как известно, для определения достоверности доказательства в качестве объективного основания оценки используют различные установленные законом и практикой признаки и свойства доказательств, а также правила их получения. При этом выделяют те субъективные и объективные признаки, которые заложены в природе конкретного вида доказательств³.

При оценке достоверности показаний свидетелей следует учитывать способность свидетеля воспринимать (1), запоминать (2), воспроизводить (3) имеющую значение для расследования информацию, а также соблюдение процессуальной процедуры при собирании этого вида доказательств (4). Именно с этих позиций рассмотрим возможности использования информационных технологий на досудебных стадиях уголовного процесса.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16041

** **Issues of Reliability of Witness Testimony Received in the Course of Pre-Trial Proceedings Using Information Technology**

Antonovich Elena K., Associate Professor of the Department of Criminal Procedure Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), PhD (Law), Retired Colonel of Internal Service

Что касается первых трех обстоятельств, то немаловажным здесь является здоровье лица, вызванного на допрос в качестве свидетеля.

В части психического здоровья современное уголовное судопроизводство исходит из принципа так называемой «презюпции психического здоровья». В то же время нельзя исключать, что вовлеченные в уголовное судопроизводство лица могут страдать любой из форм психического расстройства. Однако законодатель не рассматривает это в качестве основания для запрета давать показания⁴. Свидетель не может быть принудительно подвергнут судебно-медицинскому освидетельствованию (исключение — случаи, когда освидетельствование необходимо для оценки достоверности его показаний).

Однако свидетель в силу имеющихся психических расстройств может не только неверно воспринимать, но и неверно запоминать, неверно воспроизводить информацию. При оценке достоверности таких свидетельских показаний (как обвинительных, так и оправдательных) следует учитывать все этапы их формирования.

У допрашиваемого лица могут быть нарушения памяти в виде гипо- или амнестических расстройств, различных парамний (конфабуляций, псевдореминисценций). Например, при парамнезии происходит замещение провалов в памяти событиями, хотя и произошедшими в действительности, но в иное время. Амнестический синдром (F1x.6x)⁵ проявляется как хронически выраженное нарушение памяти на события — память на давно произошедшие события порою нарушается, а непосредственное воспроизведение может быть сохранено. Поэтому для очевидца, например, убийства, страдающего этим синдромом, может быть сложным запоминание обстоятельств прошедшего события и воспроизведение их в форме показаний. Препятствием для дачи достоверных показаний могут стать и нарушения ощущения времени и порядка произошедших событий.

Слабое зрение и слух также могут обусловить искажение информации.

Как же при оценке достоверности показаний свидетеля могут помочь современные информационные технологии?

Важно максимально использовать возможности цифровых технологий при создании, с одной стороны, гарантий безопасности для лица, а с другой — гарантий недопустимости искажения столь значимой информации. В этом смысле первые три из указанных обстоятельств неразрывно связаны с четвертым. Остановимся на этом подробнее.

Вызов и допрос свидетелей осуществляются в порядке, установленном ст. 187–191 УПК РФ. В ходе допроса, согласно ч. 4 ст. 189 УПК РФ, по инициативе следователя или по ходатайству допрашиваемого лица могут осуществляться фотографирование, аудио- и (или) видеозапись, киносъемка, материалы которых хранятся при уголовном деле и по окончании предварительного следствия опечатываются. В протоколе допроса (ч. 4 ст. 190 УПК РФ) делается соответствующая отметка с указанием сведений о технических средствах, об условиях фотографирования, аудио- и (или) видеозаписи, киносъемки, фактах приостановления аудио- и (или) видеозаписи, киносъемки, причинах и длительности остановки записи, заявления допрашиваемого лица по поводу

использования технических средств. Условия воспроизведения этих записей оговорены в ст. 281 УПК РФ.

Закон предусматривает возможность использования полученных ранее при помощи информационных технологий сведений не только допрашивающим, но и допрашиваемым лицом. Тем самым обеспечивается возможность расширения объема устанавливаемых сведений и их достоверность.

В досудебном производстве следователем в ходе допроса могут быть воспроизведены материалы аудио- и (или) видеозаписи, киносъемки ранее проведенных следственных действий (ч. 3 ст. 190 УПК РФ). Допрашиваемое лицо в ходе предварительного расследования также вправе пользоваться документами и записями (ч. 3 ст. 188 УПК РФ). Это во многом позволяет обеспечить достоверность показаний свидетеля, когда его здоровье становится препятствием для запоминания или воспроизведения информации. В ходе судебного следствия свидетелю предоставляется возможность использования письменных заметок и документов (ст. 279 УПК РФ). Однако законодатель не уточняет, что эти записи могут быть получены при помощи цифровых технологий, а их приобщение к материалам уголовного дела допускается лишь при условии исключения их изъятия.

Думается, что использование информационных технологий для обеспечения достоверности показаний свидетеля этим не должно ограничиваться.

Например, законодательством ряда иностранных государств — КНР (Гонконг), Республика Молдова, Республика Казахстан, Федеративная Республика Германии — предусмотрена возможность депонирования показаний. Речь идет об особой процедуре закрепления показаний свидетеля в случаях, когда: а) более поздний срок их допроса может оказаться невозможным в силу объективных причин (постоянное проживание за пределами государства, тяжелое состояние здоровья, применение мер безопасности и проч.); б) последующий допрос несовершеннолетнего свидетеля может оказать на него психотравмирующее воздействие⁶.

Определенные требования предъявляются и к целям депонирования показаний (только в рамках уголовного преследования), и к порядку хранения, и к порядку использования депонированных показаний.

В российском уголовно-процессуальном законодательстве не предусматривается возможность депонирования показаний свидетеля в досудебном производстве. Лишь в отношении показаний несовершеннолетних свидетелей допускается их фиксация для последующего воспроизведения уже в ходе судебного разбирательства.

Включение депонирования показаний в УПК РФ, на наш взгляд, возможно при условии формулирования отдельной статьи, в которой следует предусмотреть: основания и порядок проведения депонирования таких показаний; права и обязанности участников этого следственного действия; требования в отношении самих используемых информационных технологий; требования к условиям хранения и использования полученной таким образом информации.

Оценить достоверность депонированных показаний несколько сложнее, чем полученных в обычном порядке, ведь участники судебного разбирательства лишены возможности задавать вопросы свидетелям.

Помимо депонирования показаний свидетеля, законодательством ряда стран (Германия, Италия, Казахстан, Молдова, Финляндия, Швеция, Эстония и многие другие) предусмотрен дистанционный допрос свидетеля. В российском уголовно-процессуальном законодательстве предусмотрено использование видеоконференцсвязи лишь в ходе судебного разбирательства (ч. 4 ст. 240, ст. 278.1 УПК РФ).

Несмотря на наличие права следователя поручить производство допроса другому следователю или органу дознания, проблема дистанционного допроса актуальна и в ходе досудебного производства, например, когда свидетель покидает свое постоянное место жительства в связи с отпуском или командировкой.

Учитывая имеющиеся проблемы, на рассмотрение в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации внесен проект федерального закона № 434998-7⁷, направленный на дополнение УПК РФ новой статьей 189¹, предусматривающей особенности допроса свидетеля по уголовному делу посредством видеоконференцсвязи. Разработчиками законопроекта предлагается по месту нахождения свидетеля возложить на следователя обязанность составить протокол, ознакомить с ним свидетеля и предъявить его для подписания. В протоколе должны быть указаны лицо, составившее протокол, и все участвующие лица.

Таким образом, согласно законопроекту следователь по месту нахождения свидетеля — это лицо, составившее и огласившее протокол, а следователь, в производстве которого находится уголовное дело, — лицо, допросившее свидетеля, который также подписывает протокол после его получения. В остальном допрос посредством видеоконференцсвязи предлагается проводить по правилам ст. 189 УПК РФ.

В качестве основания для производства дистанционного допроса рассматривается невозможность личного участия свидетеля в производстве по уголовному делу. Между тем такими основаниями могли бы стать случаи, когда:

— личное присутствие допрашиваемого лица невозможно (например, по состоянию здоровья, возрасту, в связи с наличием малолетних детей и членов семьи, нуждающихся в постоянном уходе, иным уважительным причинам);

— личное присутствие допрашиваемого лица возможно, но связано с неоправданными расходами (например, с длительными командировками за пределами субъекта, в котором проводится предварительное расследование);

— в отношении свидетелей применяются меры безопасности;

— проведение допроса несовершеннолетнего свидетеля;

— наличие иных причин, дающих основания полагать, что допрос будет затруднен.

Виды информационных технологий, используемые в качестве способа проведения допроса, рассматриваются иностранными законодателями в качестве основания для выделения разновидностей дистанционного допроса: а) допрос при помощи технического решения, благодаря которому участники процесса непосредственно видят и слышат в прямой трансляции показания свидетеля, не находящегося в следственном органе, и могут задавать ему вопросы через лицо, ведущее про-

изводство; б) допрос по телефону, когда участники процесса непосредственно слышат показания свидетеля, не находящегося в следственном органе, и могут задавать ему вопросы через лицо, ведущее производство.

Очевидно, что непосредственное наблюдение за лицом, которое дает показания, пусть даже при помощи видеоконференцсвязи, нельзя сравнить с восприятием показаний по телефону. Сложно оценить и их достоверность. Но их наличие может стать отправной точкой поиска новых доказательств. Ведь, как любые доказательства, эти доказательства должны подвергаться проверке и оценке в установленном законом порядке.

С учетом указанных проблем процедура допроса нуждается в детальной регламентации, направленной на обеспечение достоверности показаний.

Так, в рассматриваемом законопроекте остается открытым вопрос о возможности формулировать или уточнять вопросы в ходе следственного действия следователями по месту производства предварительного расследования и по месту производства допроса.

Не решен вопрос технического обеспечения проведения такого вида допроса. Во-первых, в части оборудованности помещений, в которых проводится и транслируется допрос, на единой цифровой платформе. Во-вторых, должны быть гарантии надлежащего качества изображения и звука, а также информационной безопасности.

Отсутствует регламентация порядка вовлечения в допрос других участников уголовного судопроизводства, в частности, адвоката, специалиста, законных представителей, переводчиков, педагогов и психологов. Следовало бы решить, могут ли (должны ли) находиться эти участники уголовного судопроизводства в месте непосредственного допроса или в месте трансляции дистанционного допроса. Этим участникам должно быть предоставлено право заявлять отводы не только следователю, но и специалисту, технически обеспечивающему его, а также иные права.

По результатам такого допроса должен составляться протокол. Авторами законопроекта не предусмотрен механизм его передачи. Однако современные цифровые технологии можно было бы использовать и в этом случае.

Следовало бы предусмотреть особенности дистанционного допроса несовершеннолетних свидетелей⁸ и дистанционной очной ставки.

Максимально подробно прописанный механизм производства дистанционного допроса станет залогом достоверности показаний свидетеля.

При оказании правовой помощи по уголовным делам доказывание имеет свою специфику⁹, обусловленную трансграничным характером собирания доказательств с участием иностранных компетентных органов и должностных лиц, применением международного и иностранного законодательства в случаях, предусмотренных международными договорами или на основе принципа взаимности. Но не всегда можно получить показания свидетеля таким способом. В этой связи законодательство некоторых иностранных государств допускает проведение дистанционного допроса свидетеля, находящегося за пределами территории государства. Использование дистанционного допроса свидетеля в рамках оказания правовой помощи по уголовным

делам призвано обеспечить получение наиболее содержательных показаний в более короткий срок, однако требует дополнительных гарантий их достоверности. Кроме того, оно должно быть обусловлено наличием соответствующей международной правовой базы.

Нарушение процессуального порядка получения доказательств вызывает естественное сомнение в достоверности полученных сведений, так как установленная процессуальная форма служит одной из гарантий получения достоверных данных. В свою очередь, достоверное установление фактических обстоятельств обуславливает законность процессуальных решений по делу.

Таким образом, максимально эффективное использование современных цифровых технологий не должно стать исключением для российского уголовно-процессуального законодательства, регламентирующего производство допроса свидетелей в досудебном производстве. Трансформация законодательства должна быть нацелена на обеспечение достоверности показаний свидетеля. Это значит, что основания и порядок использования информационных технологий должны быть максимально подробно изложены в законодательстве.

Литература

1. Антонович Е.К. Использование цифровых технологий при допросе свидетелей на досудебных стадиях уголовного судопроизводства (сравнительно-правовой анализ законодательства Российской Федерации и законодательства некоторых иностранных государств) / Е.К. Антонович // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 6. С. 125–135.
2. Антонович Е.К. К вопросу о допустимости доказательств, полученных за пределами территории Российской Федерации в рамках оказания правовой помощи по уголовным делам / Е.К. Антонович // Труды Академии управления МВД России. 2014. № 4. С. 41–44.
3. Антонович Е.К. Некоторые вопросы назначения и производства судебно-психиатрической экспертизы свидетелей по уголовным делам / Е.К. Антонович, Б.А. Антонович // Медицинское право. 2015. № 4. С. 30–35.
4. Бахтеев Д.В. Особенности фиксации и изъятия криминалистически значимой информации, размещенной в сети Интернет / Д.В. Бахтеев // Российский следователь. 2017. № 21. С. 10–13.
5. Булыжкин А.В. Некоторые особенности расследования преступлений, совершаемых с использованием электронных платежных единиц / А.В. Булыжкин, В.Ф. Васюков // Российский следователь. 2017. № 23. С. 8–10.

6. Бурганова Г.В. Использование электронных документов в качестве доказательств в уголовном и гражданском процессе / Г.В. Бурганова // Вестник гражданского процесса. 2019. № 1. С. 354–361.
7. Воскобитова Л.А. Уголовное судопроизводство и цифровые технологии: проблемы совместимости / Л.А. Воскобитова // Lex Russica. 2019. № 5. С. 91–104.
8. Голубцов В.Г. Электронные доказательства в контексте электронного правосудия / В.Г. Голубцов // Вестник гражданского процесса. 2019. № 1. С. 170–188.
9. Колычева А.Н. К вопросу об использовании ресурсов сети Интернет в преступной деятельности / А.Н. Колычева // Российский следователь. 2016. № 24. С. 42–44.
10. Лупинская П.А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика / П.А. Лупинская. 2-е изд. Москва : Норма, 2010. 240 с.
11. Соколов Ю.Н. Электронный носитель информации в уголовном процессе / Ю.Н. Соколов // Информационное право. 2017. № 3. С. 22–26.

¹ Воскобитова Л.А. Уголовное судопроизводство и цифровые технологии: проблемы совместимости // Lex Russica. 2019. № 5. С. 92.

² Бурганова Г.В. Использование электронных документов в качестве доказательств в уголовном и гражданском процессе // Вестник гражданского процесса. 2019. № 1. С. 354–361; Голубцов В.Г. Электронные доказательства в контексте электронного правосудия // Вестник гражданского процесса. 2019. № 1. С. 170–188; Васюков В.Ф., Булыжкин А.В. Некоторые особенности расследования преступлений, совершаемых с использованием электронных платежных единиц // Российский следователь. 2017. № 23. С. 8–10; Бахтеев Д.В. Особенности фиксации и изъятия криминалистически значимой информации, размещенной в сети Интернет // Российский следователь. 2017. № 21. С. 10–13; Соколов Ю.Н. Электронный носитель информации в уголовном процессе // Информационное право. 2017. № 3. С. 22–26; Колычева А.Н. К вопросу об использовании ресурсов сети Интернет в преступной деятельности // Российский следователь. 2016. № 24. С. 42–44.

³ Подробно см.: Лупинская П.А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика. 2-е изд. М.: Норма, 2010.

⁴ См. подробнее: Антонович Е.К., Антонович Б.А. Некоторые вопросы назначения и производства судебно-психиатрической экспертизы свидетелей по уголовным делам // Медицинское право. 2015. № 4. С. 30–35.

⁵ МКБ-10 Краткий вариант, основанный на Международной статистической классификации болезней и проблем, связанных со здоровьем, 10-го пересмотра, принятой 43-ей Всемирной Ассамблеей Здравоохранения // СПС «КонсультантПлюс»

⁶ См.: URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30397729#pos=6;-155 (дата обращения: 05.11.2019); URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852 (дата обращения: 05.11.2019); URL: <http://www.gesetze-im-internet.de/stpo/index.html> (дата обращения: 05.11.2019).

⁷ URL: <https://www.duma.gov.ru> (дата обращения: 05.11.2019).

⁸ См. подробнее: Антонович Е.К. Использование цифровых технологий при допросе свидетелей на досудебных стадиях уголовного судопроизводства (сравнительно-правовой анализ законодательства Российской Федерации и законодательства некоторых иностранных государств) // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 6. С. 131–132.

⁹ См. подробнее: Антонович Е.К. К вопросу о допустимости доказательств, полученных за пределами территории Российской Федерации в рамках оказания правовой помощи по уголовным делам // Труды Академии управления МВД России. 2014. № 4. С. 41–44.

Уважаемые авторы!

Для оформления заказа на приобретение одного и/или нескольких печатных экземпляров журнала с опубликованной статьей просим вас при получении уведомления о включении вашей статьи в содержание журнала обратиться в авторский отдел по телефону: (495) 953-91-08, или по электронной почте: avtor@lawinfo.ru.

Экспертное исследование показаний свидетелей по делам о ненадлежащем оказании медицинской помощи^{*,**}

Баринов Евгений Христофорович,
профессор кафедры судебной медицины и медицинского права
Московского государственного медико-стоматологического
университета имени А.И. Евдокимова Минздрава России,
профессор, доктор медицинских наук
ev.barinov@mail.ru

Жаркова Екатерина Сергеевна,
старший преподаватель кафедры
судебной медицины и медицинского права
Московского государственного медико-стоматологического
университета имени А.И. Евдокимова Минздрава России
es.zharkova@mail.ru

Калинин Руслан Эдуардович,
аспирант кафедры судебной медицины и медицинского права
Московского государственного медико-стоматологического
университета имени А.И. Евдокимова Минздрава России
salem48@mail.ru

Комиссарова Ярослава Владимировна,
доцент кафедры криминалистики Московского государственного
юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук, доцент
a5143836@yandex.ru

Статья посвящена проблеме проверки показаний медицинских работников, потерпевших и иных лиц при проведении комиссионных и комплексных экспертиз по материалам уголовных дел, связанных с неблагоприятным исходом оказания медицинской помощи. Рассматриваются возможности, способы и перспективы экспертного исследования письменных протоколов, содержащих конкретные сведения об обстоятельствах происшествия, при производстве экспертизы в рамках предварительного следствия по делу.

Ключевые слова: ятрогенные преступления, судебно-медицинская экспертиза, свидетельские показания.

The article is dedicated to the issue of verification of testimony of healthcare professionals, the aggrieved and other persons at carrying out expert panel and complex examinations based on files of criminal cases related to healthcare services producing an adverse result. The authors review possibilities, means and prospects of an expert investigation of written minutes containing specific data about case circumstances at carrying out an expert examination within the framework of pre-trial proceedings.

Keywords: iatrogenic crimes, forensic examination, witness testimony.

В последние годы расширяется правоприменительная практика по делам, связанным с ненадлежащим оказанием медицинской помощи. Реалии таковы, что сегодня уже можно говорить о формировании отдельной подотрасли уголовного права, предметом которой являются общественные отношения, возникающие в связи с преступлениями в сфере профессиональной медицинской деятельности¹.

Особую роль в расследовании так называемых ятрогенных преступлений² играет институт судебной экспер-

тизы. Современная медицинская деятельность характеризуется сложными и высокотехнологичными процессами, суждение о которых невозможно без применения специальных знаний. В настоящее время наблюдается устойчивая тенденция, когда итоговые процессуальные решения по «врачебным» делам во многом предопределяются результатами судмедэкспертизы. Экспертам делегированы функции установления не только наличия причинно-следственной связи между действиями медиков и наступившими неблагоприятными последствиями,

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-14084

** **Expert Examination of Witness Testimony in Cases on Undue Delivery of Healthcare Services**

Barinov Evgeniy Kh., Professor of the Department of Forensic Medicine and Medical Law of the A.I. Yevdokimov Moscow State University of Medicine and Dentistry of the Ministry of Healthcare of the Russian Federation, Professor, Doctor of Medicine

Zharkova Ekaterina S., Senior Lecturer of the Department of Forensic Medicine and Medical Law of the A.I. Yevdokimov Moscow State University of Medicine and Dentistry of the Ministry of Healthcare of the Russian Federation

Kalinin Ruslan E., Postgraduate Student of the Department of Forensic Medicine and Medical Law of the A.I. Yevdokimov Moscow State University of Medicine and Dentistry of the Ministry of Healthcare of the Russian Federation

Komissarova Yaroslava V., Associate Professor of the Department of Criminalistics of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), PhD (Law), Associate Professor

но и выявления дефектов оказания медицинской помощи, а это невозможно без использования нормативных правовых актов, регулирующих правила оказания медицинской помощи определенного вида. При таком подходе ключевой составляющей оценки доказательств (ст. 88 УПК РФ) становится анализ научной обоснованности выводов эксперта (комиссии экспертов), которые в большинстве случаев могут быть проверены только путем проведения повторной экспертизы.

Изложенное обуславливает необходимость усовершенствования методики проведения судебных экспертиз по данной категории уголовных дел.

В экспертной практике издавна существует обычай, согласно которому априори достоверной считается медицинская документация, в то время как показания свидетелей изначально ставятся под сомнение либо игнорируются вовсе. Вместе с тем накопленный опыт показывает, что медицинские документы могут содержать недостоверные сведения³. В последнее время в медицинской литературе нашла отражение информация о случаях успешного проведения экспертиз при недостаточности и частичной непригодности медицинских документов для исследования или при полном отсутствии таковых⁴. Одновременно в юридической литературе растет число публикаций, посвященных тактике допроса подозреваемых, потерпевших и иных лиц в ходе расследования обстоятельств наступления неблагоприятного исхода медицинской помощи⁵.

Путь к повышению эффективности следственных действий и производства экспертиз по «врачебным» делам, на наш взгляд, лежит в области сотрудничества и совместной деятельности судебных медиков, специалистов в области судебной экспертологии и юриспруденции (прежде всего криминалистов).

Это особенно актуально при расследовании преступлений, связанных с искусственной репродукцией человека. Экстракорпоральное оплодотворение имеет значительный процент отрицательных результатов, что сопряжено для пациентов как с психологическими травмами, так и с причинением физического вреда. Негативные последствия в виде различного рода заболеваний могут возникнуть даже при соблюдении врачами всех установленных требований⁶.

При проведении судебно-медицинской экспертизы по «врачебным» делам не только медицинская документация, но и показания медперсонала являются важными источниками информации для эксперта. Проведенное одним из соавторов статьи (Р.Э. Калинин) исследование позволило оценить значение информации, содержащейся в свидетельских показаниях, и возможность ее использования в целях экспертного анализа обстоятельств неблагоприятного исхода медицинской помощи при проведении комиссионных и комплексных судебных экспертиз по материалам «врачебных» дел.

В ходе исследования были изучены материалы 89 уголовных дел, возбужденных по фактам неблагоприятных исходов медицинской помощи, содержащие следующие документы: 128 обращений граждан в Следственный комитет РФ, Прокуратуру РФ или к Президенту России⁷; 261 объяснение и протоколы допросов пациентов, их родственников, супругов, близких, друзей и знакомых⁸; 701 протокол, содержащий показания медицинских работников.

Таким образом, были исследованы 1090 письменных документов, а также 89 заключений по результатам

комиссионных (в том числе комплексных) судебно-медицинских экспертиз. Каждый протокол был подвергнут содержательному контент-анализу с учетом заключения комиссии экспертов по делу.

В результате было установлено, что в тексте 16 обращений (12,5% от общего числа) содержались сведения о дефектах оказания медицинской помощи. При этом лишь в одном случае был выявлен факт, исключающий дефект: после введения препарата у больного развился гипертонический криз, что противоречит версии наступления смерти от анафилактического шока, при котором артериальное давление не повышается, а, наоборот, снижается. В остальных обращениях имелись данные, указывающие на возможное наличие дефектов, преимущественно: невыполнение обследования (КТ головного мозга при инсульте); описание характерной симптоматики ятрогенного осложнения (острая, резкая, внезапно возникшая боль во время гинекологической манипуляции с выделением мочи из влагалища); введение противопоказанного лекарственного средства; превышение предельно допустимого времени прибытия бригады скорой медицинской помощи к месту вызова; ошибочный диагноз; преждевременная выписка из больницы; запоздалое хирургическое вмешательство; оставление инородного тела в брюшной полости; направление на амбулаторное лечение в поликлинику при наличии показаний к экстренной госпитализации; необеспечение льготным лекарственным препаратом; непроведение врачебного осмотра.

В девяти обращениях (7%) содержались данные, характеризующие причинную связь между действиями (бездействием) медперсонала и неблагоприятным исходом. Примечательно, что во всех случаях эти данные указывали на отсутствие причинно-следственной связи. Исключающие причинную связь обстоятельства сводились к следующему: отказ больного от предложенной госпитализации; самолечение без назначения врача; специфические симптомы молниеносной инфекции (появление кожной сыпи во время транспортировки больного); запоздалое обращение за медицинской помощью.

В материалах 36 дел (40,5%) в показаниях лиц не из числа медперсонала были обнаружены сведения о дефектах оказания медицинской помощи. При этом в 27 случаях (30%) данные указывали на возможное наличие, а в девяти случаях (10%) — на отсутствие дефекта.

В пользу наличия дефектов говорили такие данные, как невыполнение обследования, характерные симптомы ятрогенного осложнения, необоснованная отсрочка хирургической операции, запоздалое прибытие бригады скорой помощи, ошибочный диагноз, направление в поликлинику вопреки показаниям к госпитализации, непроведение врачебного осмотра, оставление инородного тела в брюшной полости, необеспечение больного льготным лекарственным средством, введение противопоказанного препарата, отказ диспетчера в направлении бригады скорой помощи по вызову пациента, нарушение методики и условий проведения медицинского вмешательства (пункция подключичной вены на дому).

На отсутствие дефектов указывали другие обстоятельства, а именно: самолечение; своевременный приезд бригады скорой помощи; отсутствие родителей на месте вызова врача к малолетнему (невозможность получить согласие на госпитализацию); нетипичное течение заболевания; отсутствие необходимого оборуду-

дования в медицинской организации; родоразрешение в срок, предписанный порядком оказания медицинской помощи; симптоматика, не характерная для предполагаемого ятрогенного осложнения.

Из числа изученных 24 дела (27%) содержали протоколы с данными, характеризующими причинную связь, в том числе в материалах 20 дел (22,5%) имелись показания, указывающие на отсутствие причинно-следственной связи, а в четырех случаях (4,5%) — свидетельства ее наличия.

Об отсутствии причинной связи можно было судить по следующим сведениям: самовольный уход больного из стационара; самолечение; отказ от госпитализации; специфические симптомы молниеносной инфекции; отказ от экстренной операции; бессимптомное течение заболевания; отказ от наблюдения в поликлинике; сокрытие инфекционного анамнеза (ВИЧ-инфекции); запоздалое обращение за медицинской помощью; нарушение врачебных рекомендаций.

На наличие причинной связи указывали другие данные: аспирация рвотных масс в дыхательные пути (на глазах у родственника пациента); игнорирование показаний к госпитализации; аллергическая реакция в анамнезе (на тот же самый препарат, от введения которого развился анафилактический шок).

В материалах дел содержался 701 протокол с показаниями медицинских работников, среди которых были опрошены: 578 врачей — 82,5% от общего числа медработников; 123 сотрудника из числа среднего медицинского персонала (медсестры и фельдшеры) — 17,5%. При этом с учетом места осуществления трудовой деятельности были выделены: 87 (12,4%) сотрудников поликлиник; 91 (13%) работавший на подстанциях или в составе бригад скорой помощи; 523 (74,6%) осуществлявших профессиональную деятельность в круглосуточных стационарах (больницах и госпиталях).

Подобное распределение ожидалось, поскольку большинство «врачебных» дел возбуждается в связи со смертью больного, которая чаще всего наступает в стационаре, где тактика ведения пациента определяется прежде всего врачом. Напротив, в оказании скорой помощи участвуют не только врачебные, но и фельдшерские бригады. На территории медицинских учреждений амбулаторного типа (в поликлиниках) смертельный исход наступает редко.

Большинство допросов, а именно 603 (86%), было проведено без ознакомления допрашиваемого лица с медицинской документацией. Однако в 98 случаях (14% от общего числа) допрос проводился с предоставлением на обозрение медработнику медицинской карты пациента, у которого наступил неблагоприятный исход. Примечательно, что при этом 624 человека (89%) показали, что хорошо помнят юридически значимые события, и только 77 человек (11%) сообщили, что не помнят либо не знают обстоятельств оказания медицинской помощи. Такое соотношение убедительно свидетельствует о том, что показания медперсонала являются вполне самостоятельным источником сведений об обстоятельствах ненадлежащего оказания медицинской помощи.

Среди допрошенных медицинских работников почти половина — 348 человек (49,6%) являлись лечащими врачами различных специальностей (терапевты, хирурги, гинекологи и др.). Кроме них, были также допрошены: 114 заведующих отделениями стационаров (16%);

27 заместителей главного врача по лечебной или клинико-экспертной работе (3,9%); 22 главных врачей (3,1%).

Полученные данные показывают, что в приоритете у следствия — допрос лечащего врача, который непосредственно занимается диагностикой и лечением больных. На первый взгляд, такой подход вполне оправдан. Однако нужно отметить, что были допрошены всего 27 человек (3,9%) из числа врачей-диагностов (рентгенологов, эндоскопистов, специалистов по ультразвуковой, функциональной диагностике и др.), что говорит о недоработках следователей в этой области. Врач, лично проводивший диагностическое исследование или процедуру, может располагать ценными сведениями об особенностях течения патологического процесса и выполнении медицинского вмешательства, особенно это касается манипуляций и хирургических операций, проводимых врачами-эндоскопистами (полипэктомия, ЭРПХГ, остановка желудочно-кишечного кровотечения), пункций под контролем УЗИ, фистулографии и т.п.

При анализе показаний медицинских работников было установлено, что в протоколах содержались данные, отражающие:

- жалобы больных (38% протоколов);
- анамнез болезни и/или жизни (29%);
- общее состояние пациента (35,5%);
- состояние кожного покрова (20%);
- результаты объективного обследования — осмотра, пальпации, перкуссии, аускультации (20%);
- характер физиологических оправлений, таких как стул, диурез (11%);
- результаты лабораторных тестов, прежде всего анализы крови, мочи и др. (16%);
- данные инструментального обследования — ЭКГ, рентгенография, УЗИ, КТ, МРТ и др. (24%);
- диагноз (38%);
- медикаментозное лечение с указанием конкретных наименований и точных дозировок лекарственных препаратов (36%);
- хирургическое вмешательство с детализированным описанием технических особенностей проведения конкретной операции (9%).

Из числа изученных 55 дел (62%) содержали хотя бы один протокол допроса участников процесса с данными о дефектах оказания медицинской помощи и/или причинной связи. Помимо этого, 129 протоколов (18%) содержали сведения о предполагаемых дефектах оказания медицинской помощи (например, неполный состав бригады скорой медицинской помощи, направленной на вызов к больному), а в 62 протоколах (9%) были найдены данные, потенциально способные повлиять на суждение экспертов о наличии и характере причинной связи дефектов с исходом (например, отказ больного от госпитализации).

Обобщая результаты проведенного исследования можно сделать ряд практически значимых выводов:

1. В показаниях потерпевших, медицинских работников и иных лиц могут содержаться фактические данные, доступные экспертной оценке. Проверка этих данных путем применения специальных знаний способствует подтверждению или опровержению следственных версий. При этом комиссия экспертов должна опираться в своих выводах исключительно на данные медицинских наук и клинической практики, используя знания об этиологии, патогенезе и симптоматике заболеваний, технике выполнения конкретных медицинских вмешательств и т.п.

Свидетельские показания могут быть проанализированы при производстве судмедэкспертизы только с позиций фундаментальной и клинической медицины.

2. Согласно ч. 1 ст. 88 УПК РФ, каждое доказательство оценивается с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в совокупности — достаточности для разрешения уголовного дела. Показания участника процесса, противоречащие установленным фактам, являются недостоверными независимо от причин, по которым человек сообщил информацию, не соответствующую действительности. С точки зрения уголовно-процессуального права показания участника судопроизводства, содержащие недостоверную информацию, априори являются недопустимым доказательством.

В свою очередь, заключение эксперта, как доказательство, также подлежит независимой оценке следствием и судом. Независимо на степень обоснованности выводов эксперта, в силу разных причин, его заключение может быть признано недопустимым доказательством. Одним из оснований принятия такого решения является выход эксперта за пределы своей компетенции.

Исследование протоколов допросов и объяснений медперсонала, потерпевших и иных лиц входит в компетенцию судебных медиков при производстве экспертизы лишь в той мере, в какой для этого необходимо использование специальных знаний экспертов. Оценка достоверности показаний в компетенцию эксперта не входит.

3. При проведении судебной экспертизы может быть заявлено ходатайство о допросе свидетелей. Статья 57 УПК РФ не исключает протокол допроса свидетеля из числа дополнительных объектов и материалов, представление которых при необходимости могут запросить эксперты. Свидетельские показания, отраженные в протоколах, могут быть объектом экспертного исследования, причем иногда их ценность не уступает, а в ряде случаев превосходит ценность первичной медицинской документации для решения вопросов, вынесенных на разрешение эксперта по материалам «врачебного» дела.

Литература

1. Баринов Е.Х. Судебно-медицинская экспертиза по материалам «врачебного» дела при отсутствии первичной медицинской документации (случай из практики) / Е.Х. Баринов, Р.Э. Калинин, П.О. Ромодановский // Вестник судебной медицины. 2018. Т. 7. № 1. С. 40–44.
2. Божченко А.П. Особенности экспертизы качества медицинской помощи и судебно-медицинской экспертизы по делам о профессиональных правонарушениях медицинских работников / А.П. Божченко // Медицинское право. 2016. № 6. С. 20–23.
3. Ерофеев С.В. Допрос как средство получения доказательств по делам о ненадлежащем оказании медицинской помощи / С.В. Ерофеев, А.С. Семенов, А.А. Астраух, А.С. Федорова // Медицинское право: теория и практика. 2017. Т. 3. № 1 (5). С. 229–242.
4. Казачек Е.Ю. Особенности допроса подозреваемого при расследовании неосторожных преступлений, совершенных медицинскими работниками / Е.Ю. Казачек // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2017. № 3 (17). С. 186–191.
5. Кардашевская М.В. Предмет допроса потерпевшего по уголовным делам о профессиональных преступлениях, совершенных медицинскими работниками / М.В. Кардашевская // Актуальные проблемы медицины и биологии. 2018. № 2. С. 83–84.
6. Ковалев А.В. Выявление дефектов оказания медицинской помощи по так называемым необъективным данным / А.В. Ковалев, И.В. Плетянова // Судебно-медицинская экспертиза. 2015. № 3. С. 48–51.
7. Колкутин В.В. К вопросу о научном обосновании алгоритмов оценки достоверности медицинских документов / В.В. Колкутин, Д.С. Кадочников, В.А. Ракитин, А.О. Недоборенко // Судебно-медицинская экспертиза. 2010. № 5. С. 13–16.
8. Комиссарова Я.В. Предварительная проверка заявлений и сообщений о преступлениях, связанных с искусственной репродукцией человека / Я.В. Комиссарова // Российский следователь. 2019. № 8. С. 29–33.
9. Пристансков В.Д. Ятрогенные преступления: понятие, подходы к исследованию : монография / В.Д. Пристансков. Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургского государственного ун-та, 2006. 227 с.
10. Рарог А.И. Новая подотрасль уголовного права? / А.И. Рарог // Российский журнал правовых исследований. 2017. № 3 (12). С. 124–133.
11. Ситникова А.И. Ятрогенные преступления: уголовно-правовой и процессуальный аспекты / А.И. Ситникова // Медицинское право. 2018. № 2. С. 41–44.

¹ Рарог А.И. Новая подотрасль уголовного права? // Российский журнал правовых исследований. 2017. № 3 (12). С. 130.

² См., напр.: Пристансков В.Д. Ятрогенные преступления: понятие, подходы к исследованию : монография. СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского государственного университета, 2006 ; Ситникова А.И. Ятрогенные преступления: уголовно-правовой и процессуальный аспекты // Медицинское право. 2018. № 2. С. 41–44.

³ Колкутин В.В., Кадочников Д.С., Ракитин В.А., Недоборенко А.О. К вопросу о научном обосновании алгоритмов оценки достоверности медицинских документов // Судебно-медицинская экспертиза. 2010. № 5. С. 14.

⁴ См., напр.: Ковалев А.В., Плетянова И.В. Выявление дефектов оказания медицинской помощи по так называемым необъективным данным // Судебно-медицинская экспертиза. 2015. № 3. С. 51 ; Баринов Е.Х., Калинин Р.Э., Ромодановский П.О. Судебно-медицинская экспертиза по материалам «врачебного» дела при отсутствии первичной медицинской документации (случай из практики) // Вестник судебной медицины. 2018. Т. 7. № 1. С. 44.

⁵ См., напр.: Ерофеев С.В., Семенов А.С., Астраух А.А., Федорова А.С. Допрос как средство получения доказательств по делам о ненадлежащем оказании медицинской помощи // Медицинское право: теория и практика. 2017. Т. 3. № 1 (5). С. 233 ; Казачек Е.Ю. Особенности допроса подозреваемого при расследовании неосторожных преступлений, совершенных медицинскими работниками // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2017. № 3 (17). С. 188 ; Кардашевская М.В. Предмет допроса потерпевшего по уголовным делам о профессиональных преступлениях, совершенных медицинскими работниками // Актуальные проблемы медицины и биологии. 2018. № 2. С. 84.

⁶ Подробно см.: Комиссарова Я.В. Предварительная проверка заявлений и сообщений о преступлениях, связанных с искусственной репродукцией человека // Российский следователь. 2019. № 8. С. 29–33.

⁷ Обращения, представляющие собой несколько копий одного и того же текста, направленные в различные органы при «верной рассылке», в ходе исследования учитывались как одно обращение.

⁸ Поскольку для целей проводимого исследования «процессуальный статус» документа не имел принципиального значения из-за совпадения сведений, содержащихся в объяснениях и протоколах допросов, указанные письменные источники информации включены в одну группу.

К вопросу о независимости судебного эксперта*

Калиновский Константин Борисович,
заведующий кафедрой уголовно-процессуального права
Северо-Западного филиала
Российского государственного университета правосудия (РГУП),
кандидат юридических наук, доцент
kalinovskiy.k@ya.ru

Конин Владимир Владимирович,
доцент кафедры уголовно-процессуального права
Северо-Западного филиала
Российского государственного университета правосудия (РГУП),
кандидат юридических наук, доцент
vkonin.kld@ya.ru

Независимость судебного эксперта предполагает, что эксперт при производстве судебной экспертизы не может находиться в какой-либо зависимости от органа или должностных лиц, назначивших экспертизу. В связи с этим существующие на современном этапе условия деятельности судебных экспертов и экспертных подразделений в системе правоохранительных органов не в полной мере обеспечивают реальную независимость экспертов, что само по себе ставит под вопрос доказательственное значение выводов судебного эксперта, изложенных в экспертном заключении.

Ключевые слова: эксперт, заключение эксперта, независимость эксперта, уголовно-процессуальное законодательство.

The independence of the forensic expert assumes that the expert in the course of the forensic examination may not be in any dependence on the body or officials who appointed the expert examination. In this regard, the existing at the present stage conditions of the activity of judicial experts and expert units included in the system of law enforcement agencies do not fully ensure the real independence of experts, which in itself calls into question the evidentiary value of the conclusions of the forensic expert set out in the expert opinion.

Keywords: expert, expert opinion, independence of expert, criminal procedure legislation.

Вопросы независимости эксперта при производстве судебных экспертиз, назначенных следователем (дознавателем) либо судом, неоднократно становились предметом научной дискуссии¹.

Анализируя правоприменительную практику, сложившуюся на основе правовых позиций Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ, а также мнения ученых, необходимо отметить, что вопросы независимости судебного эксперта от сторон в уголовном судопроизводстве (в первую очередь от стороны обвинения) не до конца разрешены. Попытка законодателя разрешить имеющиеся противоречия посредством принятия нового федерального закона, регламентирующего судебно-экспертную деятельность², в определенной мере могла бы способствовать этому, при условии, что разработчики законопроекта учтут мнение не только высших судебных инстанций, правоохранительных органов, но и мнение научного сообщества.

Согласно п. 3 ч. 2 ст. 74 и ч. 1 ст. 80 УПК РФ заключение эксперта, получаемое по результатам проведенной судебной экспертизы лицом, обладающим

специальными знаниями, назначенным в установленном порядке для ее производства, является одним из доказательств.

В целях обеспечения достоверности и объективности результатов судебно-экспертных исследований законодателем закреплен принцип независимости эксперта, логически связанный с обеспечением гарантированного ч. 3 ст. 123 Конституции России и ст. 15 УПК РФ требования состязательности уголовного судопроизводства, основанного на разделении функций уголовного преследования (обвинения), защиты от обвинения и разрешения уголовного дела по существу, а также функции содействия правосудию, которую выполняют иные участники уголовного процесса, перечисленные в главе 8 УПК РФ, в том числе эксперт.

Принцип независимости эксперта обеспечивается рядом уголовно-процессуальных и организационных гарантий, числе которых порядок привлечения эксперта к участию в деле, круг его прав и обязанностей, закрепленных в ст. 57 УПК РФ, установление оснований для отвода, включая случаи нахождения эксперта

* **On Independence of a Forensic Expert**

Kalinovskiy Konstantin B., Head of the Department of Criminal Procedure Law of the Northwestern Branch of the Russian State University of Justice (RSUJ), PhD (Law), Associate Professor

Konin Vladimir V., Associate Professor of the Department of Criminal Procedure Law of the Northwestern Branch of the Russian State University of Justice (RSUJ), PhD (Law), Associate Professor

в служебной или иной зависимости от сторон или их представителей.

С данными нормами коррелируют положения Федерального закона от 31 мая 2001 года № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (далее — ФЗ ГСЭД), где в числе принципов организации государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации закреплен принцип независимости эксперта. В качестве организационных гарантий независимости эксперта ФЗ ГСЭД предусматривает условия организации и деятельности государственного судебного эксперта в составе государственных судебных экспертных учреждений под руководством руководителя государственного экспертного учреждения. В частности, государственный судебный эксперт не вправе: принимать поручения о производстве судебной экспертизы непосредственно от каких-либо органов или лиц, за исключением руководителя государственного судебно-экспертного учреждения; осуществлять судебно-экспертную деятельность в качестве негосударственного эксперта; вступать в личные контакты с участниками процесса, если это ставит под сомнение его незаинтересованность в исходе дела (ст. 16). Государственному судебно-экспертному учреждению не может быть поручено производство судебной экспертизы, а в случаях, когда указанное производство начато, оно немедленно прекращается, если установлены обстоятельства, подтверждающие заинтересованность в исходе дела руководителя данного учреждения (ч. 1 ст. 18).

Указанные нормы ФЗ ГСЭД предусматривают организационное обособление государственных судебно-экспертных учреждений от органов и должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство. Наряду с обеспечением принципа независимости эксперта, это также способствует реализации единого научно-методического подхода к экспертной практике, профессиональной подготовке и специализации экспертов и государственному контролю в этой сфере. Даже в тех случаях, когда в соответствии с нормами УПК РФ судебная экспертиза производится вне государственных судебно-экспертных учреждений лицами, обладающими специальными знаниями в области науки, техники, искусства или ремесла, но не являющимися государственными судебными экспертами или же экспертами — сотрудниками негосударственных экспертных учреждений, то на судебно-экспертную деятельность данных лиц распространяется действие ст. 4, 7, 16, ч. 2 ст. 18 ФЗ ГСЭД и требования уголовно-процессуальных норм, исключающие нахождение эксперта в служебной или иной зависимости от сторон или их представителей.

Таким образом, УПК РФ и ФЗ ГСЭД при регулировании организации судебно-экспертной деятельности, назначении и производстве судебных экспертиз предусматривают процессуальные и организационные гарантии обеспечения принципа независимости эксперта, исключающие его участие в деле при наличии объективных сомнений в беспристрастности, к которым можно отнести нахождение эксперта в служебной или иной зависимости от одной из сторон. Важнейшей из этих гарантий является организационная обосо-

бленность экспертов от стороны обвинения (по действующему УПК РФ — следователь и руководитель следственного органа) и стороны защиты.

В то же время вряд ли можно отрицать, что эксперты территориальных и специализированных отделов и управлений СК России и МВД России находятся в прямом подчинении у руководителей данных подразделений. Именно руководители отделов, управлений предварительного следствия и дознания дают общую оценку эффективности деятельности отдельных экспертов и экспертных подразделений, влияют на принятие решений о поощрении, наказании, продвижении по службе экспертных работников, присвоении им очередного или внеочередного специального звания³.

Созданные Положением о Следственном комитете Российской Федерации (утв. Указом Президента Российской Федерации от 14 января 2011 г. № 38 «Вопросы деятельности Следственного комитета Российской Федерации») на основании ч. 3 ст. 1 Федерального закона «О Следственном комитете Российской Федерации») в системе СК РФ экспертные подразделения и работающие в них эксперты (п. 7, 12 и 14) в главных следственных управлениях и следственных управлениях по субъектам Российской Федерации — как это следует из подзаконных актов СК РФ (в том числе Регламента Следственного комитета Российской Федерации, утв. Приказом СК РФ от 30 сентября 2011 года № 137) — не только организационно не обособлены от руководителей следственного органа, но и в ряде случаев непосредственно подчинены им по службе.

Положение «О Главном управлении криминалистики Следственного комитета Российской Федерации», утвержденное Приказом Председателя СК РФ от 12 марта 2012 года № 14, не содержит правил, гарантирующих служебную независимость экспертов от руководителей следственных органов. Главное управление криминалистики, как подразделение центрального аппарата СК РФ, выполняет функции по осуществлению судебно-экспертной деятельности, координации и методическому обеспечению этой деятельности в следственных органах Следственного комитета (п. 10), но не является «начальством» для экспертов. Они подчиняются соответствующим руководителям следственных органов (т.е. Главное управление криминалистики не является вершиной пирамиды экспертных подразделений в системе СК РФ). В указанном Положении не отделены и функции Главного управления криминалистики по осуществлению судебно-экспертной деятельности от участия в расследовании и раскрытии преступлений и от процессуального контроля (подп. 1 и 2 п. 7).

Попытка разделения этих функций предпринята в Приказе СК РФ от 17 октября 2014 года № 89 «Об объеме процессуальных полномочий руководителей следственных органов Следственного комитета Российской Федерации» (зарегистрирован в Минюсте России 17 ноября 2014 года № 34719). Согласно п. 12 и 14 на заместителя руководителя Главного управления криминалистики — руководителя управления организации экспертно-криминалистической деятельности и его заместителей, руководителей отделов и отделений данного управления и их заместителей, а также руко-

водителей и заместителей руководителей экспертно-криминалистических подразделений нижестоящих следственных органов (т.е. на лиц, являющихся непосредственными начальниками экспертов) не возлагаются процессуальные полномочия по проверке материалов уголовных дел, отмене решений следователя и даче указаний о ведении следствия.

Эти меры явно недостаточны для соблюдения вышеуказанного принципа независимости эксперта, что было отмечено в п. 2.5 решения коллегии Генеральной прокуратуры РФ от 24 октября 2014 года «О практике прокурорского надзора за исполнением законов при осуществлении судебной экспертной деятельности».

Непосредственное подчинение экспертов и руководителей экспертных подразделений руководителю следственного органа, который согласно УПК РФ является участником уголовного процесса со стороны обвинения, вступает в противоречие с вышеуказанными требованиями законодательства, определяющими как принцип независимости эксперта, так и гарантии его обеспечения, исключающие участие в деле эксперта при наличии объективных сомнений в его беспристрастности, каковым является нахождение эксперта в служебной или иной зависимости от стороны обвинения (п. 2 ч. 2 ст. 70 УПК РФ). Зависимость эксперта от стороны обвинения нарушает требования ее равенства со стороной защиты и не согласуется с принципом состязательности.

Проблема служебной подчиненности экспертов руководителю следственного органа в СК РФ обсуждается и в научной литературе⁴, и самими сотрудниками Следственного комитета России⁵.

Представляется, что ст. 57 и 70 УПК РФ, ч. 3 ст. 1 Федерального закона «О Следственном комитете Российской Федерации» по смыслу, придаваемому официальным толкованием подзаконных актов и разъяснений СК России, не только не отвечают требованиям непротиворечивости правового регулирования, но и не обеспечивают гарантии судебной защиты прав, свобод и законных интересов граждан на основе принципа состязательности и равноправия сторон, оставляя сомнение в их соответствии ч. 1 и 2 ст. 46 и ч. 3 ст. 123 Конституции Российской Федерации.

Так, принцип организационной независимости эксперта от сторон теряет значение, а объективность эксперта обеспечивается лишь субъективными аспектами беспристрастности и правом каждой стороны на проведение своей экспертизы (контрэкспертизы), если заключение эксперта рассматривать как представленное стороной обвинения или защиты доказательство, а эксперта — как участника процесса со стороны обвинения или защиты. При этом отметим, что в странах общего права, где нет четкого разделения между уголовным и гражданским процессом, эксперт традиционно рассматривается в качестве свидетеля одной из сторон (expert witness), а в странах континентального права эксперта выбирает и назначает суд⁶.

Для реализации такой модели в УПК РФ имеются определенные предпосылки. В обвинительном заключении указываются отдельно перечни доказательств, на которые ссылаются стороны, и список лиц, подлежащих вызову со стороны обвинения и

стороны защиты (ст. 220 УПК РФ). Нечто подобное реализуется в виде заключения специалиста, получаемого по вопросам, поставленным одной из сторон (ч. 3 ст. 80 УПК РФ). При проведении экспертизы до возбуждения дела ходатайство стороны защиты или потерпевшего о производстве дополнительной либо повторной судебной экспертизы подлежит обязательному удовлетворению (ч. 1² ст. 144 УПК РФ).

Другая возможная модель могла бы состоять в разделении экспертизы на досудебную и судебную. Досудебная экспертиза проводилась бы органом, осуществляющим досудебное производство, но не являющимся стороной в процессе, а выполняющим функцию полного, всестороннего и объективного собирания и исследования материалов (функция расследования или розыска). Тогда бы организационное единство экспертов и органов расследования на начальном этапе производства по делу не вело бы к смешению их функций. Именно по этой модели в России исторически строились органы, проводящие криминалистические экспертизы. Гарантиями соблюдения правил справедливого судопроизводства здесь являлись бы отсутствие доказательственного значения досудебной экспертизы для суда, обязательность ее судебной легализации с обеспечением прав стороны защиты, необходимость проведения экспертизы в судебном следствии.

Однако законодатель в проекте федерального закона № 306504-6 «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» не только не отказывается, но и усиливает концепцию единой судебно-экспертной деятельности, предполагающей установление критериев оценки компетентности лиц, обладающих специальными знаниями, но не являющихся работниками государственных судебно-экспертных учреждений, достоверности используемых ими экспертных методик и их научной обоснованности, общих требований к судебно-экспертным организациям, независимо от формы их собственности. Эта концепция предполагает еще большие организационные гарантии принципа независимости судебного эксперта. Например, в ч. 1 ст. 9 законопроекта указано: «При производстве судебной экспертизы эксперт независим, не может находиться в какой-либо зависимости от органа или лица, назначивших судебную экспертизу, сторон и других лиц, заинтересованных в исходе дела. Эксперт дает заключение, основываясь на результатах проведенных исследований в соответствии со своими специальными знаниями. Эксперт самостоятелен в выборе средств, методов и методик исследования. При этом выбранные экспертом средства, методы и методики не должны противоречить законодательству Российской Федерации». Очевидно, что эксперт, являющийся сотрудником экспертного подразделения, входящего в состав правоохранительного органа, не может быть полностью свободен от руководителя правоохранительного органа.

В то же время ч. 3 ст. 9 указанного законопроекта предусматривает, что органы или лица, имеющие право назначать судебные экспертизы, вправе обращаться к судебному эксперту только в связи с порученной ему судебной экспертизой и данным им заключением. По сути, запрещаются неформальные контакты следователя и экс-

перта до назначения экспертизы, но после назначения экспертизы такие контакты возможны. При таком подходе законодателя признание за заключением эксперта значения судебного доказательства, при том что эксперт состоит в служебной или иной зависимости от одной из сторон (как правило, стороны обвинения), нарушает принцип состязательности и равноправия сторон.

Литература

1. Глушков М.Р. Проблемные вопросы проведения экспертиз по уголовным делам экспертными службами правоохранительных органов / М.Р. Глушakov // Криминалистика — прошлое, настоящее, будущее: достижения и перспективы развития : материалы Международной научно-практической конференции, приуроченной к 60-летию образования службы криминалистики (г. Москва, 16 октября 2014 года) : сборник научных статей / под редакцией А.И. Бастрыкина. Москва : Академия СК РФ, 2014. С. 310–314.
2. Зайцева Е.А. Пленум Верховного Суда РФ: судебная экспертиза по уголовным делам / Е.А. Зайцева // Законность. 2011. № 3. С. 12–16.
3. Карагодин В.Н. Пределы независимости судебного эксперта в уголовном судопроизводстве / В.Н. Карагодин, Н.Б. Вахмянина, А.А. Казаков // Эксперт-криминалист. 2015. № 1. С. 15–20.
4. Комиссарова Я.В. Актуальные проблемы практики производства судебных экспертиз в России (по результатам анкетирования экспертов) / Я.В. Комиссарова // Российский следователь. 2013. № 5. С. 6–9.
5. Лазарев С.В. Вопросы независимости эксперта и качества экспертного заключения в арбитражном

ном процессе / С.В. Лазарев // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2012. № 8. С. 58–69.

6. Назаров О.В. Судебно-экспертная деятельность не должна подчиняться следственным органам / О.В. Назаров // Законодательство и экономика. 2014. № 6. С. 47–51.
7. Николаева Ж.А. Проблемы законодательной регламентации судебно-экспертной деятельности / Ж.А. Николаева // Российская юстиция. 2015. № 6. С. 54–56.

¹ См., напр.: Карагодин В.Н., Вахмянина Н.Б., Казаков А.А. Пределы независимости судебного эксперта в уголовном судопроизводстве // Эксперт-криминалист. 2015. № 1. С. 15–20; Николаева Ж.А. Проблемы законодательной регламентации судебно-экспертной деятельности // Российская юстиция. 2015. № 6. С. 54–56; Зайцева Е.А. Пленум Верховного Суда РФ: судебная экспертиза по уголовным делам // Законность. 2011. № 3. С. 12–16; Комиссарова Я.В. Актуальные проблемы практики производства судебных экспертиз в России (по результатам анкетирования экспертов) // Российский следователь. 2013. № 5. С. 6–9; и др.

² Принят в первом чтении Постановлением Государственной Думы ФС РФ от 20 ноября 2013 г. № 3261-6; второе чтение состоялось 6 октября 2016 г., после чего был включен в примерную программу решением Государственной Думы ФС РФ на апрель 2019 г., однако до настоящего времени работа над законопроектом не завершена. URL: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28Spravka%29?OpenAgent&RN=306504-6> (дата обращения: 28.11.2019).

³ Карагодин В.Н., Вахмянина Н.Б., Казаков А.А. Указ. соч.

⁴ Назаров О.В. Судебно-экспертная деятельность не должна подчиняться следственным органам // Законодательство и экономика. 2014. № 6. С. 47–51.

⁵ Глушков М.Р. Проблемные вопросы проведения экспертиз по уголовным делам экспертными службами правоохранительных органов // Криминалистика — прошлое, настоящее, будущее: достижения и перспективы развития : материалы Международной научно-практической конференции, приуроченной к 60-летию образования службы криминалистики (Москва, 16 октября 2014 года). М. : Академия Следственного комитета Российской Федерации, 2014. С. 310.

⁶ Лазарев С.В. Вопросы независимости эксперта и качества экспертного заключения в арбитражном процессе // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2012. № 8. С. 58–69.

Проблемы развития теории криминалистической идентификации*

Лаврухин Сергей Витальевич,
доцент кафедры криминалистики
Саратовской государственной юридической академии,
кандидат юридических наук, доцент
se-lavru@yandex.ru

Теория криминалистической идентификации имеет фундаментальное значение в деятельности эксперта-криминалиста и следователя, но характеризуется недостаточным уровнем развития. В науке поверхностно исследовано ключевое понятие «тождество», что оказало негативное влияние на основы теории криминалистической идентификации. Необходима адекватная философская интерпретация понятия «тождество». В механизме криминалистической идентификации важно выделить объекты исследования первого и второго порядка. Следственную идентификацию целесообразно осуществлять в комплексном виде. Отношения тождества могут включать равенство объекта самому себе и другим объектам его группы, поэтому они распространяются на единичную и групповую идентификацию. Подавляющее большинство экспертных исследований, в том числе диагностических, имеет идентификационную природу. В основу классификации объектов идентификации надо положить их деление на искомые и проверяемые объекты. Следственная идентификация осуществляется в технико-криминалистическом, тактическом и методическом аспектах.

Ключевые слова: общая теория криминалистики, теория криминалистической идентификации, тождество, криминалистическая диагностика.

* **Issues of Development of the Criminalistic Identification Theory**

Lavrukhin Sergey V., Associate Professor of the Department of Criminalistics of the Saratov State Law Academy, PhD (Law), Associate Professor

The criminalistic identification theory is of fundamental importance in criminal expert and investigator's activities, however, it is underdeveloped. The science reviews the key concept of "equivalence" superficially, adversely affecting the bases of the criminalistic identification theory. An adequate philosophical interpretation of the "equivalence" concept is required. It is important to single out tier-one and tier-two research objects in the criminalistic identification mechanism. It is reasonable to carry out investigative identification on a complex basis. The relations of equivalence may include equality of the object to itself and other objects of its group, so such relations cover both single and group identification. The prevailing part of expert examinations including diagnostic ones bear identification nature. The division of objects into target and verifiable ones should be laid as a basis of the identification object classification. Investigative identification is carried out in the technical, criminalistic, tactical and methodological aspects.

Keywords: general theory of criminalistics, criminalistic identification theory, equivalence, criminalistic diagnostics.

Общая теория криминалистики, на наш взгляд, наименее развитый раздел науки, представляющий собой совокупность различных неупорядоченных теорий и учений. Взаимные связи между ними в научной литературе не прослеживаются, а многие сложные проблемы не решаются десятилетиями¹. Наглядное подтверждение тому — состояние исследований в области теории криминалистической идентификации. Уровень ее развития далек от совершенства. В науке не решена проблема соотношения идентификационных, классификационных и диагностических экспертных исследований, что во многом объясняется слабой философской основой этой теории, догматической трактовкой криминалистами ключевого понятия «тождество».

На фоне многих фундаментальных исследований по этой теме (см. труды С.М. Потапова, Н.В. Терзиева, В.Я. Колдина, М.Я. Сегая, В.С. Митричева, М.В. Салтеевского, В.П. Колмакова, И.Д. Кучерова, Б.И. Шевченко, Н.А. Селиванова и др.)² все еще продолжает обсуждаться узловая проблема **понятия криминалистической идентификации**, в том числе ее видов.

Одни авторы (Н.В. Терзиев, А.И. Винберг, В.П. Колмаков, Р.С. Белкин, Е.П. Ищенко и др.) связывают идентификацию с отождествлением конкретного материального объекта. Другие ученые (С.М. Потапов, А.Р. Шляхов, В.Я. Колдин, Н.А. Селиванов, Н.П. Майлис и др.) различают индивидуальную и групповую идентификацию. Последним термином обозначают установление принадлежности объекта к определенному классификационному делению (роду, виду или группе объектов)³.

Представляется, что причина отсутствия единого понимания учеными криминалистической идентификации — недостаточно полная (адекватная) интерпретация понятия «тождество». Любопытно, что философская трактовка тождества не только не идет дальше словарного значения понятия «тождество»⁴, но и устраняет другую существенную грань идентичности. Вслед за Ф. Энгельсом философы и криминалисты констатируют лишь равенство объекта самому себе и отличие от других объектов. Это воззрение, несомненно, противоречит фундаментальному принципу материального единства мира, обусловленного всеобщей взаимосвязью предметов, явлений и процессов объективной действительности. По существу, такое понимание тождества означает признание хаоса в мире, когда каждый объект существует сам по себе в отрыве от других объектов.

Однако объективно отношения тождества имеют два ракурса: 1) равенство объекта самому себе и от-

личие от несходных с ним объектов; 2) равенство по ряду существенных признаков со сходными объектами. При совпадении групповых признаков объект становится аналогом свойств объектов определенной группы. Поскольку эти признаки существенны, позволяют отграничить его от объектов других групп, появляется возможность осуществить именно отождествление, то есть выделить объект из системы разнородных объектов и констатировать его принадлежность к конкретной группе ввиду наличия у него тех же самых групповых свойств.

Виды криминалистической идентификации по цели исследования. По этому основанию разграничим классификацию, спецификацию, идентификацию состояния объекта (диагностику), механизма следообразования и других параметров исследуемых объектов.

Каждый объект криминалистического исследования представляет собой, как правило, синтез общих и единичных (уникальных, неповторимых) свойств. Общие свойства делят на всеобщие (свойства класса объектов) и особенные (родовые, видовые и групповые)⁵. Свойства определенного класса объектов воспроизводятся во всех представителях этого класса, свойства рода объектов — во всех видовых делениях и т.д. Особенности групповые свойства и отражающие их идентификационные признаки выражают сходство объекта с представителями данной группы и одновременно передают его отличие от объектов других групп.

Цель криминалистического идентификационного исследования при классификации сводится не только к установлению принадлежности объекта к определенному классу (например, к холодному оружию), но и к выяснению наличия у объекта родовых признаков (например, признаков клинкового оружия), видовых признаков (например, признаков колюще-режущего оружия) и групповых признаков (например, признаков финского ножа). Лишь в результате последовательной родовой, видовой и групповой идентификации предмета, обладающего всеобщими признаками холодного оружия, представляется возможным решить вопрос, относится ли представленный на исследование объект к холодному оружию. Такая технология классификации в ходе экспертизы холодного оружия полностью соответствует изложенной выше системе свойств и признаков объектов материального мира.

Общие классификационные признаки не принимаются во внимание в процессе спецификации — идентификации единичного материального объекта

по совокупности общих (обозначим их — отдельных) и частных признаков. Общие (отдельные) признаки, передающие интегративные свойства объекта (форму, размеры, цвет и др.), в отличие от общих (обозначим их — особенных) могут быть неповторимыми. С другой стороны, частные признаки могут повторяться у других представителей группы.

Термин «индивидуальная идентификация» недостаточно точен. Индивидуальность отдельного объекта обусловлена всей системой его свойств и потому имеет две плоскости — классификацию и спецификацию.

Цель классификации — установление родового, видового и группового тождества объектов, его сходства с подобными объектами и отличий от несходных объектов (второй ракурс тождества). Цель спецификации — установление тождества единичного объекта, выяснение его равенства самому себе (первый ракурс тождества). Более точный термин «единичная идентификация» отражает цель исследования и особенности идентификационных признаков, используемых наряду с другими в процессе отождествления.

Логика криминалистического идентификационно-го исследования состоит в переходе от классификации к спецификации.

Большинство экспертных задач носит идентификационный характер, поскольку их решение невозможно вне акта отождествления. Познание предполагает прежде всего выделение исследуемого объекта из иных систем связанных с ним объектов, то есть идентификацию.

Криминалистическая диагностика широко используется в экспертных исследованиях⁶. Под диагностикой некоторые авторы понимают все виды экспертных исследований, за исключением установления тождества конкретного объекта по его следу. К диагностике относятся классификационные исследования, установление отдельных свойств и состояний объекта, механизма образования следов и т.д.⁷

Такое широкое толкование криминалистами диагностики противоречит ее пониманию в медицине (откуда она произошла) и в технике. В этих областях знаний под диагностикой понимается распознавание аномального *состояния* объекта по его признакам. Именно в таком узком понимании и следует вести речь о диагностике в криминалистике.

Определенное состояние объекта можно установить только на основе идентификационного исследования, то есть сравнения одного с другим. В связи с этим обнаруживается мудрость пословицы: «Все познается в сравнении». Например, чтобы решить диагностический вопрос о пригодности следа папиллярного узора для идентификации человека, надо сравнить фактическое состояние следа с мысленными образами или наглядными моделями следов рук: а) пригодных для исследования (четко и полно отображающих строение папиллярных узоров); б) непригодных для идентификации. В результате сопоставления исследуемого следа с моделями следов рук формулируется идентификационный экспертный вывод о его состоянии. Аналогичным образом решается вопрос о механизме слеодообразования и др.

Таким образом, криминалистическая диагностика — это разновидность идентификационного исследования.

Механизм криминалистической идентификации поясняет следующий пример. На месте происшествия был обнаружен след пальца неизвестного преступника. У задержанного подозреваемого Т. получены отпечатки пальцев на дактилоскопической карте. При производстве дактилоскопической экспертизы было установлено, что след папиллярного узора, обнаруженный на месте происшествия, оставлен Т. В данном случае Т. был идентифицирован с искомым объектом (преступником), то есть идентифицируемые объектами были преступник и Т. (первый — искомым объект, второй — проверяемый объект). Средства отождествления были, с одной стороны, след папиллярного узора преступника, с другой — образцы папиллярных узоров Т. На основе совпадения общих и частных признаков в следе папиллярного узора и в отпечатке пальца на дактилоскопической карте Т. был сделан вывод о том, что Т. и есть тот самый преступник, который оставил след на месте происшествия.

Из примера видно, что традиционное деление объектов идентификации на идентифицируемые и идентифицирующие не выдерживает критики.

При идентификации свойства искомого объекта, отраженные в следе преступления, сравниваются со свойствами проверяемого объекта, отраженными нередко в образцах для сравнительного исследования⁸. И только в ситуации тождества следа и отображения проверяемого объекта по неповторимой и достаточной совокупности общих и частных признаков делается окончательный вывод об идентичности искомого и проверяемого объектов. В противном случае идентификация, в принципе, невозможна в процессе опосредованного познания (по отображениям исследуемых объектов).

В связи с этим корректнее различать *объекты идентификации первого и второго порядка*. Объекты идентификации первого порядка (или непосредственно исследуемые объекты) — это следы и образцы для сравнительного исследования, объекты идентификации второго порядка — искомые и проверяемые объекты. В случае отождествления объектов первой группы вывод о тождестве распространяется (экстраполируется) на объекты второй группы — конечные объекты идентификации.

Направления использования теории идентификации в деятельности следователя. Технокриминалистический аспект идентификационной деятельности следователя связан с организацией предварительного исследования следов преступления на месте происшествия, производства криминалистических экспертиз и проверки следов и предметов по учетам экспертно-криминалистических подразделений органов внутренних дел. Организация производства криминалистических экспертиз в процессуальном смысле осуществляется путем вынесения постановлений о получении образцов для сравнительного исследования и назначении криминалистических экспертиз, в том числе до возбуждения уголовного дела.

Тактический аспект идентификационной деятельности следователя представлен двумя группами следственных действий:

1) следственные действия идентификационной природы (предъявление для опознания⁹ и проверка показаний на месте¹⁰);

2) иные следственные действия, в процессе которых встречаются элементы идентификации обстановки действия, искомым объектов, поведения участников уголовного процесса и проч. (допрос, очная ставка, следственный эксперимент, обыск помещения и др.).

Методическое значение криминалистической идентификации в следственной деятельности определяется тем, что она выступает одним из основных методов раскрытия преступлений. Посредством идентификации устанавливаются преступника и жертву преступления, способ и орудие преступления.

Групповая криминалистическая идентификация преступления (в отличие от видовой уголовно-правовой идентификации преступления) — необходимая предпосылка выбора наиболее подходящей к исследуемому событию методики расследования преступлений. Так, существенно различаются методики расследования убийств отдельных групп (заказных, серийных и др.).

Метод идентификации используется при анализе информации по делу, в частности, при идентификации преступлений, образующих серию общественно опасных деяний, совершенных неизвестным преступником. Серией признается несколько преступлений одного вида, совершенных в разных местах и в разное время одним лицом или группой лиц. При объединении преступлений в серию проводится именно их идентификация по всем обстоятельствам преступления и, более того, по всем элементам поведения преступника. Это позволяет суммировать информацию, рассредоточенную (распределенную) по местам всех преступлений, образующих серию деяний, получить в итоге более полную модель личности преступника, что способствует быстрому раскрытию преступлений.

Таким образом, объектами методической следственной идентификации может быть не только преступление, но и поведение неизвестного преступника.

Идентификация служит методом доказывания обстоятельств преступления при изобличении подозреваемого и обвиняемого. С ее помощью устанавливаются:

1) факт происхождения от подозреваемого и обвиняемого следов и предметов, обнаруженных на месте происшествия;

2) причинно-следственную связь с расследуемым событием следов, обнаруженных на подозреваемом, в его жилище и в других местах.

Литература

1. Колдин В.Я. Идентификация при расследовании преступлений / В.Я. Колдин. Москва : Юридическая литература, 1978. 144 с.
2. Корухов Ю.Г. Криминалистическая диагностика при расследовании преступлений : научно-

практическое пособие / Ю.Г. Корухов. Москва : Норма-ИНФРА-М, 1998. 288 с.

3. Косыгин О.А. Возможности диагностического исследования отпечатков самонаборных печатных форм / О.А. Косыгин, В.Ф. Финогенов, А.А. Волков // Эксперт-криминалист. 2007. № 3. С. 2–7.
4. Лаврухин С.В. Объекты и предмет криминалистики : монография / С.В. Лаврухин, Ю.С. Комягина. Москва : Юрлитинформ, 2013. 472 с.
5. Лаврухин С.В. Основы криминалистической методологии : учебное пособие / С.В. Лаврухин, Ю.С. Комягина. Москва : Юрлитинформ, 2018. 336 с.
6. Левин Г.Д. Диалектико-материалистическая теория всеобщего / Г.Д. Левин ; ответственный редактор А.П. Шептулин. Москва : Наука, 1987. 176 с.
7. Майлис Н.П. К вопросу о соотношении видов идентификации и доказательственном значении выводов / Н.П. Майлис // Теория и практика судебной экспертизы. 2017. Т. 12. № 3. С. 28–32.
8. Селиванов Н.А. Советская криминалистика. Теоретические проблемы / Н.А. Селиванов, В.Г. Танасевич, А.А. Эйман, Н.А. Якубович. Москва : Юридическая литература, 1978. 192 с.
9. Скрипилова Н.А. К вопросу о значении неидентификационных (диагностических) почерковедческих исследований при расследовании уголовных дел / Н.А. Скрипилова // Эксперт-криминалист. 2006. № 1. С. 23–28.
10. Степаненко Д.А. Общие положения учения о криминалистической идентификации по мысленному образу / Д.А. Степаненко // Эксперт-криминалист. 2008. № 1. С. 12–16.

¹ Подробнее об этом см.: Лаврухин С.В., Комягина Ю.С. Объекты и предмет криминалистики : монография. М. : Юрлитинформ, 2013. С. 4–7.

² Селиванов Н.А. Криминалистическая идентификация // Советская криминалистика. Теоретические проблемы. М. : Юридическая литература, 1978. С. 57–114 ; Колдин В.Я. Идентификация при расследовании преступлений. М. : Юридическая литература, 1978.

³ Майлис Н.П. К вопросу о соотношении видов идентификации и доказательственном значении выводов // Теория и практика судебной экспертизы. 2017. Т. 12. № 3. С. 31.

⁴ См.: Словарь русского языка. В 4 т. Т. 4. М. : Государственное издательство национальных и иностранных словарей, 1961. С. 510 ; Словарь иностранных слов. 9-е изд., испр. М. : Русский язык, 1982. С. 193, 653.

⁵ Левин Г.Д. Диалектико-материалистическая теория всеобщего / отв. ред. А.П. Шептулин. М. : Наука, 1987. С. 5–10, 64.

⁶ Скрипилова Н.А. К вопросу о значении неидентификационных (диагностических) почерковедческих исследований при расследовании уголовных дел // Эксперт-криминалист. 2006. № 1. С. 23–28 ; Косыгин О.А., Финогенов В.Ф., Волков А.А. Возможности диагностического исследования отпечатков самонаборных печатных форм // Эксперт-криминалист. 2007. № 3. С. 2–7.

⁷ Корухов Ю.Г. Криминалистическая диагностика при расследовании преступлений : научно-практическое пособие. М. : Издательская группа НОРМА-ИНФРА М, 1998. С. 65–96, 221–281.

⁸ Подробнее см.: Колдин В.Я. Указ. соч. С. 76, 89–99.

⁹ Степаненко Д.А. Общие положения учения о криминалистической идентификации по мысленному образу // Эксперт-криминалист. 2008. № 1. С. 12–16.

¹⁰ Лаврухин С.В., Комягина Ю.С. Основы криминалистической методологии : учебное пособие. М. : Юрлитинформ, 2018. С. 175–176.

«Обновленные» правила обращения с документами — доказательствами*

Першин Александр Николаевич,
профессор кафедры криминалистики Московского государственного
юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук, доцент
pershin75@mail.ru

Романов Евгений Юрьевич,
руководитель группы компаний
«Лаборатория экспертных исследований»
e.y.romanov@mail.ru

В статье рассматриваются правила осмотра и хранения документов, представляющих интерес для гражданского, арбитражного, административного и уголовного судопроизводства. Дана краткая история появления правил осмотра документов в криминалистической литературе. При этом отмечается, что в работах по криминалистике не всегда правила излагаются с учетом современных технологий изготовления документов и их экспертного исследования. В этой связи авторами предложены обновленные правила осмотра и хранения документов как доказательств по гражданским, арбитражным, административным и уголовным делам.

Ключевые слова: документ, подделка, осмотр, правила осмотра документа, вещественное доказательство, старение документа.

The article discusses the rules of inspection and storage of documents of interest for civil, arbitration, administrative and criminal proceedings. A brief history of the emergence of document inspection rules in forensic literature is given. At the same time, it is noted that in works on forensics the rules are not always set out taking into account modern technologies for the production of documents and their expert research. In this regard, the authors proposed updated rules for the inspection and storage of documents as evidence in civil, arbitration, administrative and criminal cases.

Keywords: document, fake, inspection, document inspection rules, material evidence, document aging.

Документ в науке, следственной и судебной практике рассматривается как стабильный во времени и пространстве материальный источник значимых сведений о фактах, явлениях, событиях и процессах. В одной из первых отечественных монографических работ, посвященных правовому статусу документа, он определялся как «письменный акт, составленный в известной форме и предназначенный удостоверить известные правовые отношения и имеющие правовое значение события»¹.

На современном этапе развития общества документ является основным средством фиксации информации в политической, экономической, культурной, научной и социальной сферах деятельности человека, а также объектом изучения государственных контролирующих органов. Поэтому документальные объекты выступают важным доказательством при разрешении гражданско-правовых и хозяйственных споров, а также расследовании преступлений. В частности, по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности в документах отражается механизм преступной деятельности.

Высокая степень социальной значимости документа, а также процессуальный статус его как доказательства, привели к частым случаям фальсификации документальной информации. Впервые о подлоге документов, как о самостоятельном преступлении, говорится в законе Луция Корнелия Суллы (138–78 гг. до н.э.) «Lex Cornelia de falsis», относящемся к 80-м годам до н.э. Предметом подлога в то время являлись духовные завещания. Среди первых способов подделки документов, описанных в древнеримском законе, были: приложение печатей к подложным документам; сокрытие, похищение, подбрасывание, распечатывание и

прочтение документов; изменение первоначального содержания документа; подделка подписи².

В настоящее время с целью извлечения значимой для дела информации, а также выявления признаков фальсификации документ подвергается тщательному осмотру в рамках гражданского, арбитражного, административного или уголовного судопроизводства (ст. 181, 183 ГПК РФ, ст. 162 АПК РФ, ст. 164, 166 КАС РФ, ст. 177, 284 УПК РФ). В ходе осмотра изучаются формальные и содержательные признаки документа для выяснения относимости его к обстоятельствам рассматриваемого (расследуемого) дела и достоверности изложенных в нем сведений, что позволило бы использовать документ в качестве доказательства (письменного, вещественного, иного документа).

Учитывая информационную значимость документа, а также возможное наличие следов изменения его содержания, требуется особая осторожность при обращении с такими документами в ходе их осмотра и соблюдение специальных условий хранения. Поэтому еще на заре развития отечественной криминалистики стали разрабатываться правила осмотра документов с целью максимальной сохранности следов криминального на них воздействия³.

Разработанные около 100 лет назад правила обращения с документами как вещественными доказательствами не теряют своей актуальности и в настоящее время. Они содержатся во многих современных учебниках по криминалистике. Однако следует отметить, что целый ряд этих правил нуждается в адаптации к современным технологиям изготовления бумаги, материалов письма, знакопечатающих устройств, способов нанесения (исполнения) реквизитов документов, методам экспертного исследования и т.д.

* “Updated” Rules for Handling Documentary Evidence

Pershin Aleksandr N., Professor of the Department of Criminalistics of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), LL.D., Associate Professor
Romanov Evgeniy Yu., CEO of the Expert Research Laboratory Group of Companies

В ходе осмотра документа следует помнить, что он является носителем целого комплекса следов:

— образовавшихся в результате создания документа (материал бумаги и/или картона, следы печатных форм и/или устройств оперативной полиграфии, фотографии, клей, материалы реквизитов, средства защиты документа от подделки и проч.);

— появившихся в результате эксплуатации документа (линии перегиба, потертости, надрывы / разрывы, отсутствие фрагментов листа бумаги или бланка, проколы, загрязнения);

— агрессивного воздействия факторов окружающей среды, влекущих изменения физико-химических свойств документа (естественное и искусственное с целью умышленного изменения свойств документа), таких как свет, повышенная температура, повышенная / пониженная влажность, химические вещества;

— изменения первоначального содержания реквизитов документа (дописки / допечатки, травящие или смывающие вещества, краситель удаленных реквизитов и/или вновь нанесенных и проч.);

— сопутствующих совершению противоправного деяния (следы рук и запаха человека, следы крови, следы обуви, следы взрывчатых, наркотических, ядовитых веществ и проч.).

На основании указанного осмотра документа должен быть направлен не только на изучение формальных и семантических признаков документа, но и на выявление в нем признаков материального и/или интеллектуального подлога, установление условий его хранения и использования. При этом в ходе осмотра должны быть сохранены имеющиеся следы и не оставлены новые.

Ниже предлагаются правила осмотра, изъятия и хранения документов, признаваемых доказательствами по делу. Рекомендации изложены на основе изучения нормативной технической документации, учебных и учебно-практических работ по криминалистике, следственной, экспертной и судебной практики по гражданским, арбитражным и уголовным делам.

При осмотре документа запрещается:

1. Использовать мощные осветительные и/или нагревательные приборы, так как это приводит к изменению физико-химических свойств бумаги и материалов реквизитов документов.

2. Наносить на документ какие-либо записи, пометки, исправления, проколы бумаги и т.п., поскольку внесение изменений в документ затрудняет или делает невозможным выявление в ходе проведения экспертизы значимых характеристик документа, например, даты создания / исполнения.

3. Нарушать целостность многостраничного документа, листы которого соединены между собой при помощи шитья нитью или скобы скоросшивателя. Недопустимо в ходе осмотра расшивать или раскреплять многостраничный документ, например, для удобства осмотра или изготовления электрофотографических копий. Такие действия затрудняют решение задачи об установлении многостраничного документа как единого целого.

4. Приобщать документ к материалам дела путем непосредственного вшивания. Документ помещается в бумажный конверт, который подшивается в дело. Перед вложением на конверте выполняются пояснительные надписи, указывающие название и основные реквизиты документа, например: *«Договор купли-продажи квартиры от... расположенной по адресу... между ФИО и ФИО на трех страницах, соединенных между собой при помощи шитья нитью белого цвета»*. В случае выполнения записей на конверте с вложенным документом на нем образуются

новые вдавленные следы от пишущего прибора и уничтожаются имеющиеся.

При хранении документов запрещается:

1. Помещать его в полимерную упаковку (канцелярский файл, конверт, пакет). В такой упаковке нарушаются процессы естественного старения документа. Создается «парниковый эффект», который приводит к изменению физико-химических свойств материалов реквизитов документа.

2. Упаковывать в один конверт несколько документов. Особенно это касается документов, датированных (выполненных) в разные периоды времени, так как возможны физико-химические процессы диффундирования (т.е. соединения или смешивания) веществ штрихов реквизитов из разных документов. Это приводит к естественному «омолаживанию» более «старого» документа⁴.

3. Хранить в условиях повышенной влажности, температуры и искусственной вентиляции. В такой среде процессы изменения свойств бумаги документа и материалов его реквизитов протекают быстрее, что вызывает преждевременное «старение» материального носителя информации.

При осмотре документа рекомендуется:

1. Осматривать документ с двух сторон на чистой светлой и сухой поверхности с использованием резиновых перчаток и пинцета. Осмотр обеих сторон позволит обнаружить максимальное количество следов, свидетельствующих о фальсификации доказательства (вдавленный текст, следы отмарывания реквизитов другого листа в многостраничном документе, остатки вещества, используемого для травления или смывания реквизитов и т.п.). Соблюдение этого правила позволит более качественно осмотреть документ, обнаружить криминалистически значимую информацию и избежать образования на нем новых следов.

2. Удерживать документ за края или уголки. Данная рекомендация вызвана тем, что криминалистически значимые следы на документе, как правило, не расположены по его краям и углам. Поэтому такой способ обращения с документом в ходе осмотра позволит сохранить на нем следы.

3. Осматривать документ в отраженном, проходящем и коспадающем свете. Использование различных методов и приемов осмотра документа позволяет выявлять механизм нанесения штрихов реквизитов на бумагу, признаки подчистки и ее маскировки, отсутствие нарушений защитной пленки и/или сетки документа, качество и содержание голограммы, наличие вдавленных текстов и специальных способов типографской печати (высокая и металлографская печать), содержание залитых или замазанных текстов и прочее.

4. При осмотре допустимо применять увеличительные и осветительные инструменты и приборы. В качестве увеличительных инструментов и приборов рекомендуется использовать криминалистические лупы с подсветкой (увеличение 4–10^x) и микроскопы. Для осмотра используются осветительные приборы, излучающие видимую, инфракрасную и ультрафиолетовую зоны светового спектра. Увеличительные и осветительные инструменты и приборы позволяют выявить и изучить мелкие детали реквизитов документа, обнаружить специальные средства защиты документов от подделки и сами признаки подделки. С особой осторожностью следует применять ультрафиолетовый осветитель, так как жесткое УФ-излучение изменяет физико-химические свойства красителей штрихов реквизитов⁵.

Учитывая значимость для судопроизводства документов — доказательств, их хранение требует соблюдения особых условий организации рационального размещения и обеспечения сохранности. Под обеспечением сохранности документов понимается комплекс мероприятий по созданию и соблюдению нормативных условий, режимов и надлежащей организации хранения документов. Правила

хранения документов определены в нормативной технической документации, например, ГОСТ 2.501-2013 «Единая система конструкторской документации (ЕСКД). Правила учета и хранения».

Хранение документов должно обеспечивать максимальную неизменяемость физико-химических свойств материалов реквизитов документа (бумаги, красителей, клея, пасты, мастики и т.п.). При этом следует учитывать, что процессы изменения свойств реквизитов являются неизбежными, вследствие чего документ подвергается старению. Под старением документа понимается необратимое изменение первоначальных физико-химических свойств документа под воздействием внешних и внутренних факторов. Внешние факторы обусловлены средой хранения и условиями использования документа, а внутренние — структурой и составом материалов бумаги и реквизитов документа, вызывающие и (или) влияющие на его старение. Оптимальными условиями, при которых замедляется изменение количественных и качественных характеристик бумаги и материалов реквизитов документа, является темновое сейфовое хранение (без доступа света и конвенции воздуха)⁶.

Хранить документы рекомендуется:

1. В переплетах, папках, коробках, шкафах, сейфах, на стеллажах закрытого типа, находящихся в помещении с естественным или искусственным рассеянным светом, с температурой воздуха 17–19°C и относительной влажностью воздуха 50–55% с отсутствием конвенции воздуха.

2. В развернутом виде. Если это невозможно, то складывать по имеющимся линиям перегиба либо по вновь образованному так, чтобы линия не попала на текст, подпись, оттиск печати и прочие реквизиты.

3. Ветхие или разорванные документы хранят между двумя листами плотной бумаги или картона в конверте. Не допускается фрагменты разорванного документа наклеивать на подложку.

4. Подвергшиеся термическому воздействию — в коробках, наполненных ватой.

Обобщенные рекомендации по осмотру, упаковке, хранению документов можно представить следующим образом.

Осматривать документ надо с двух сторон на чистой сухой поверхности с использованием резиновых перчаток и пинцета. Удерживать за края или уголки. Осматривать в отраженном, проходящем и коспадающем свете. Применять увеличительные и осветительные инструменты и приборы. Хранить в переплетах, папках, коробках, шкафах, сейфах, на стеллажах закрытого типа при средних показателях температуры и влажности. Упаковывать в развернутом виде. Ветхий или разорванный документ помещать в конверт между двумя листами плотной бумаги или картона. Документ со следами термического воздействия хранить в коробке, наполненной ватой. Не использовать мощные осветительные и/или нагревательные приборы. Не производить на документе каких-либо записей, пометок, исправлений, проколов бумаги и т.п. Не нарушать целостность многостраничного документа. Не шить документ в материалы дела. Не помещать в полимерную упаковку (канцелярский файл, конверт, пакет). Не упаковывать в один конверт несколько документов. Не хранить в условиях повышенной влажности, температуры и искусственной вентиляции.

Изложенные правила осмотра и хранения документов — доказательств являются универсальными для гражданского, арбитражного, административного и уголовного судопроизводства. При этом следует помнить, что к осмотру документов может привлекаться специалист. По итогам осмотра документа возможно назначение судебных экспертиз (техническая экспертиза документов, почер-

коведческая экспертиза, экспертиза материалов, веществ и изделий и проч.).

Литература:

1. Баринаева О.А. Установление времени изготовления документа: современные возможности и пределы решения задачи / О.А. Баринаева, А.Ф. Купин // Российский судья. 2018. № 2. С. 30–35.
2. Громов Вл. Материальная истина и научно-уголовная техника : пособие для органов расследования / Вл. Громов. Москва : Изд-во Народного комиссариата внутренних дел РСФСР, 1930. 128 с.
3. Жижиленко А.А. Подлог документов. Историко-догматическое исследование / А.А. Жижиленко. Санкт-Петербург : Невская типография, 1900. 756 с.
4. Иванов Н.А. Естественное и искусственное старение документов / Н.А. Иванов // Эксперт-криминалист. 2014. № 3. С. 17–21.
5. Иванов Н.А. Логика, физика и химия установления абсолютной давности исполнения / нанесения реквизитов документов / Н.А. Иванов // Эксперт-криминалист. 2015. № 2. С. 6–10.
6. Иванов Н.А. Определение абсолютной давности исполнения рукописных записей гелевыми чернилами (по материалам зарубежной печати) / Н.А. Иванов // Эксперт-криминалист. 2012. № 3. С. 4–7.
7. Криминалистика. В 2 книгах. Кн. 2. Методика расследования отдельных видов преступлений : учебник для слушателей правовых вузов / под редакцией А.Я. Вышинского. Москва : Советское законодательство, 1936. 127 с.
8. Криминалистика. Кн. I. Техника и тактика расследования преступлений : учебник для слушателей правовых вузов / под ред. А.Я. Вышинского. Москва : Советское законодательство, 1935. 272 с.
9. Пинхасов Б.И. Проблемы борьбы с подлогом документов : диссертация доктора юридических наук / Б.И. Пинхасов. Ташкент, 1969. 732 с.
10. Трегубов С.Н. Основы уголовной техники, научно-технические приемы расследования преступлений : практическое руководство для судебных деятелей / С.Н. Трегубов. Петроград : Право, 1915. 336 с.
11. Якимов И.Н. Криминалистика. Руководство по уголовной технике и тактике / И.Н. Якимов. Москва : Изд. НКВД РСФСР, 1925. 435 с.

¹ Жижиленко А. А. Подлог документов. Историко-догматическое исследование. СПб. : Невская типография, 1900. С. 563.

² Там же. С. 40–41.

³ См., напр.: Трегубов С.Н. Основы уголовной техники, научно-технические приемы расследования преступлений : практическое руководство для судебных деятелей. Петроград : Издание Юридического книжного склада «ПРАВО», 1915. С. 203 ; Якимов И.Н. Криминалистика. Руководство по уголовной технике и тактике. М. : Издание НКВД РСФСР, 1925. С. 179–180, 397–398 ; Громов В. Материальная истина и научно-уголовная техника : пособие для органов расследования. М. : Издательство Народного комиссариата внутренних дел РСФСР, 1930. С. 89–90 ; Криминалистика. Кн. I. Техника и тактика расследования преступлений : учебник для слушателей правовых вузов / под ред. А.Я. Вышинского. М. : Государственное издательство «Советское законодательство», 1935. С. 98–99 ; Криминалистика. Кн. II. Методика расследования отдельных видов преступлений : учебник для слушателей правовых вузов / под ред. А.Я. Вышинского. М. : Государственное издательство «Советское законодательство», 1936. С. 100 ; Пинхасов Б.И. Проблемы борьбы с подлогом документов : дис. ... докт. юрид. наук. Ташкент, 1969. С. 480 ; и др.

⁴ Баринаева О.А. Установление времени изготовления документа: современные возможности и пределы решения задачи // Российский судья. 2018. № 2. С. 30–35 ; Иванов Н.А. Естественное и искусственное старение документов // Эксперт-криминалист. 2014. № 3. С. 20.

⁵ Иванов Н.А. Определение абсолютной давности исполнения рукописных записей гелевыми чернилами (по материалам зарубежной печати) // Эксперт-криминалист. 2012. № 3. С. 5.

⁶ Иванов Н.А. Логика, физика и химия установления абсолютной давности исполнения / нанесения реквизитов документов // Эксперт-криминалист. 2015. № 2. С. 6–10.

Установление признаков термической деструкции акриловых лакокрасочных покрытий кузовов автотранспортных средств с целью производства пожарно-технической экспертизы*

Руденко Максим Борисович,
доцент кафедры информационно-правовых дисциплин
Восточно-Сибирского института
Министерства внутренних дел Российской Федерации,
кандидат технических наук, доцент
rudenko@inbox.ru

Шашин Даниил Георгиевич,
доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности
Сибирского юридического института
Министерства внутренних дел Российской Федерации,
кандидат юридических наук, доцент
shashin06@mail.ru

В статье приводятся результаты использования одного из наиболее распространенных и информативных методов исследования криминалистически значимых объектов — метода ИК-спектроскопии для исследования лакокрасочных покрытий кузовов автотранспортных средств, подвергшихся термическому воздействию. Анализ формирования картины ИК-спектров акриловых лакокрасочных покрытий указывает на возможность установления степени термического воздействия, оказанного при пожаре, и, как следствие, места наибольшего термического воздействия (места первоначального горения), а также путей распространения пламени, что может способствовать установлению причины возгорания.

Ключевые слова: пожарно-техническая экспертиза, инфракрасная спектроскопия, акриловые лакокрасочные покрытия, степень термического воздействия, очаг возгорания, пути распространения пламени.

The article gives results of application of one of the most widespread and informative methods of research of criminalistically significant objects: the IR spectroscopy method to study acrylic paint coatings of vehicle bodies after a thermal impact. An analysis of forming of the acrylic paint coating IR spectrum picture points at the possibility to establish a degree of thermal impact during fire and consequently places where the thermal impact is the largest (places of primary burning) and ways of fire spreading, which may facilitate establishment of the ignition cause.

Keywords: fire investigation, infrared spectroscopy, acrylic paint coatings, degree of thermal impact, ignition source, ways of fire spreading.

Увеличение числа автотранспортных средств на дорогах нашей страны, а вместе с тем и количества происшествий, связанных с ними, обуславливает необходимость исследований, направленных на повышение качества производства пожарно-технической экспертизы.

Современные автоконцерны в нашей стране и за рубежом используют множество разнообразных автоэмалей для покрытия кузовов автотранспортных средств (АТС). Наиболее широкое применение в качестве защитных и декоративных покрытий нашли акриловые автоэмали, обладающие хорошими технологическими и эксплуатационными качествами, а также приемлемой стоимостью.

Известны криминалистические исследования лакокрасочных покрытий с использованием метода

ИК-спектроскопии¹, а также исследования их термического поражения². Однако считаем, что изучению акриловых лакокрасочных покрытий уделено недостаточно внимания.

В данной статье представлены результаты исследований, выполненные методом ИК-спектроскопии таких материалов, как акриловая автоэмаль «Абро» (производство США), акриловая автоэмаль «Motip» (производство Нидерланды), акриловый грунт «Prime» (производство Нидерланды), акриловый грунт «Chamelion» (производство Германия).

Целью исследований являлось выявление признаков термического разрушения акриловых лакокрасочных покрытий для использования полученных результатов при производстве пожарно-технической экспертизы.

* **Establishment of Attributes of Thermal Destruction of Acrylic Paint Coatings of Vehicle Bodies Aimed at Carrying out a Fire Investigation**
Rudenko Maksim B., Associate Professor of the Department of Information Law Disciplines of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, PhD (Engineering), Associate Professor
Shashin Daniil G., Associate Professor of the Department of Criminal Intelligence and Surveillance Operations of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, PhD (Law), Associate Professor

Для постановки эксперимента были отобраны лакокрасочные материалы, применяемые без использования отвердителя. Для моделирования процесса теплового воздействия, возникающего при пожаре, металлические пластины, покрытые лакокрасочными материалами, помещались в муфельную печь с заданной температурой³ и выдерживались в течение 10 минут.

Термическое воздействие на акриловые лакокрасочные материалы оценивалось по степени разрушения химических связей компонентного состава лакокрасочного покрытия (ЛКП), которые отличаются друг от друга типом и кратностью, а следовательно, и химической прочностью. При проведении эксперимента было установлено, что одноименные химические связи, принадлежащие однородным компонентам лакокрасочных покрытий различных производителей, обладают схожей термической устойчивостью.

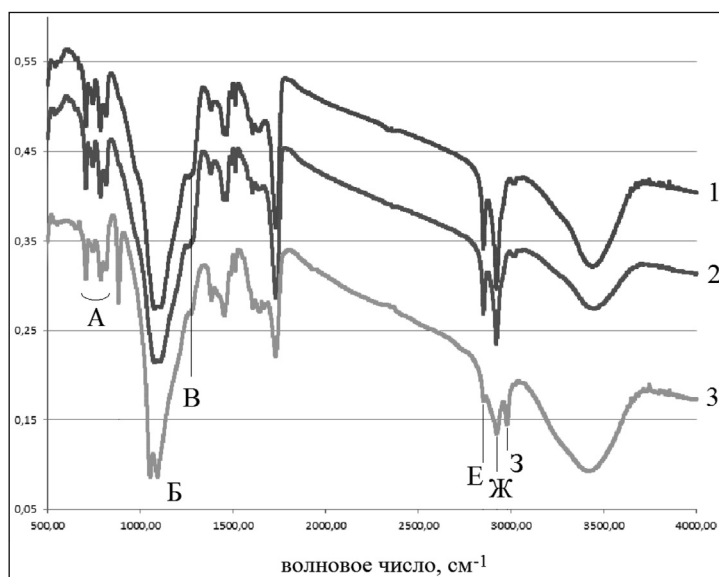

Рис. 1. ИК-спектр термического разрушения автоэмали «Авро», США (1 — нативный образец, 2 — термическое воздействие 200°C, 3 — термическое воздействие 300°C)

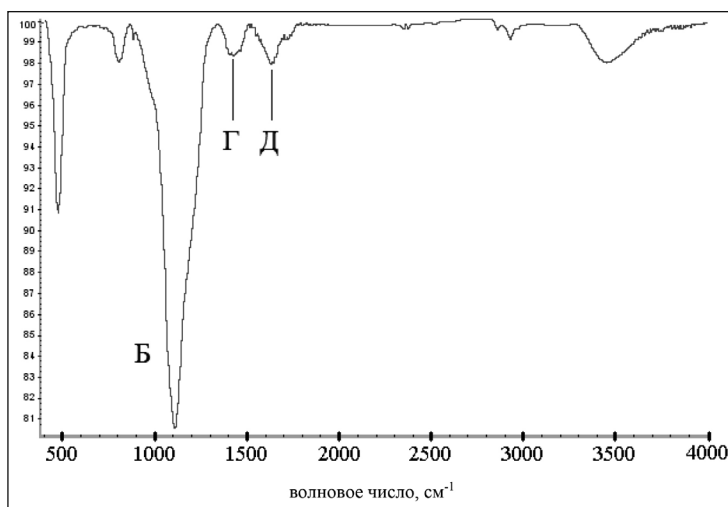

Рис. 2. ИК-спектр термического разрушения акриловой автоэмали «Авро», США (термическое воздействие 400°C)

После термического воздействия, оказанного на материалы, соскобы с пластин направлялись на исследование, снимались на фоне KBr-спектра (ГОСТ 4160-74. Реактивы. Калий бромистый. Технические условия).

ИК-спектры нативных образцов акриловых автоэмалей (рис. 1, 5, 8, 10) указывают на их общую природу и позволяют предположить наличие в них акрилатов, акрилатамов, толуола, ксилола, бутилацетата.

Из анализа картины ИК-спектров автоэмали «Авро» (США) (рис. 1) видно, что термическое воздействие способствует разрушению материала, начиная с 300°C. При этом запускается процесс разрушения $=\overset{\text{C}}{\text{C}}-\text{H}$ связей олефинов и ароматики, 3050–2800 cm^{-1} (рис. 1 Е, Ж, З).

При уровне термического воздействия 400°C отмечается полное разрушение химических связей внеплоскостных деформационных колебаний ароматического кольца, 700 cm^{-1} (рис. 1 А), валентных антисимметричных $\text{C}-\text{O}-\text{C}$ колебаний сложноэфирных групп $-\overset{\text{O}}{\text{C}}-\text{O}-\overset{\text{O}}{\text{C}}=$ 1275 cm^{-1} (рис. 1 В).

Пребывание образца при температуре 500°C существенно не изменяет картину ИК-спектра, способствует общему снижению интенсивности сигналов колебаний химических связей.

Тепловое воздействие 600°C можно установить по отсутствию полос сигналов валентных $=\overset{\text{C}}{\text{C}}-\text{H}$ связей колебаний олефинов и ароматики 2920 cm^{-1} (рис. 4 З), 2850 cm^{-1} (рис. 4 Ж), отсутствию полос валентных $\text{C}-\text{C}$ колебаний ароматического кольца 1450 cm^{-1} (рис. 4 Г).

Изменения в картине ИК-спектров акрилового покрытия Motip отмечаются с термического воздействия 300°C, что способствует практически полному разрушению химических связей, сигнал колебаний которых регистрируется в области 840 cm^{-1} (рис. 5 А). Происходит угасание сигналов валентных $>\text{C}=\text{O}$ колебаний сложноэфирных групп 1720 cm^{-1} , валентных $\text{C}=\text{C}$ колебаний олефинов 1620 cm^{-1} (рис. 5, 6, 7 Ж, З).

Термическое воздействие 400°C способствует активному сокращению и слиянию полос в областях 1000, 1120 cm^{-1} , 1250 cm^{-1} в общую группу (рис. 6 Б, В, Г). Такое же явление наблюдается по месту регистрации полос в области 1350 cm^{-1} , 1450 cm^{-1} (рис. 6 Д, Е).

Термическое воздействие 500°C не вносит существенного изменения в картину ИК-спектра, способствует снижению общей интенсивности сигналов.

При термическом воздействии 600°C практически прекращает регистрироваться сигнал в области 1120 cm^{-1} . Отмечается заметная убыль полосы с вершиной 1620 cm^{-1} .

Термическое разрушение акрилового грунта «Prime» возникает при тепловом воздействии 300°C. При указанной температуре фиксируется полное разрушение сигналов, колебания которых регистрируются в области 850 cm^{-1} , (рис. 8 Б). Прекращает регистрироваться полоса валентных $>\text{C}=\text{O}$ колебаний сложноэфирных групп 1650 cm^{-1} (рис. 8 Д). Дальнейшее повышение

теплового воздействия приводит к изменению соотношения интенсивности колебаний сигналов друг с другом в диапазоне 1800–1600 см⁻¹ (рис. 8, 9 Д, Е) вплоть до 600°C.

При повышении температуры эксперимента до 400°C прекращает регистрироваться сигнал валентных антисимметричных С-О-С колебаний сложноэфирных групп $\text{-}\overset{\text{O}}{\underset{\text{O}}{\text{C}}}\text{-O-C=O}$ 1270 см⁻¹ (рис. 9 В). Полосы сигналов диапазона 1500–1300 см⁻¹ становятся менее выразительными, и к величине теплового воздействия 500°C прекращают регистрироваться валентные С-С колебания ароматического кольца в области 1450 см⁻¹ (рис. 9 Г).

Тепловое воздействие 500°C (рис. 4) способствует полному разрушению сигналов в областях 3020 см⁻¹ (рис. 9 З) и 2830 см⁻¹ (рис. 9 Ж).

Пребывание грунтового покрытия при температуре 600°C завершает процесс разрушения валентных >C=O колебаний сложноэфирных групп 1730 см⁻¹ (рис. 9 Е).

Влияние степени термического воздействия рассмотрим также на примере разрушения акрилового грунта «Chamelion», Нидерланды (рис. 10, 11).

При исследовании термического воздействия на акриловый грунт «Chamelion» при тепловом воздействии 400°C и выше полному разрушению подвергаются химические связи валентных симметричных С-О-С колебаний сложноэфирных групп $\text{-}\overset{\text{O}}{\underset{\text{O}}{\text{C}}}\text{-O-C=O}$ в областях 1190 см⁻¹ (рис. 10 Б) и 1100 см⁻¹ (рис. 10 А). Значительно снижается интенсивность сигналов в области 2930 см⁻¹ (рис. 10 Д). Прекращают свое существование химические связи с регистрацией сигналов колебаний химических связей в области 3050 см⁻¹ (рис. 10 Е), практически разрушены химические связи валентных >C=O колебаний сложноэфирных групп 1710 см⁻¹ (рис. 10 В), которые окончательно прекращают свое существование при температуре эксперимента 550°C (рис. 11 В).

В заключение можно отметить следующее.

Термическое воздействие 200°C практически не оказывает разрушающего воздействия на исследуемые акриловые покрытия.

При уровне теплового воздействия 300°C прекращают регистрироваться сигналы внеплоскостных деформационных колебаний ароматического кольца в области 840 см⁻¹ (Motip), 850 см⁻¹ (Prime). Для акрилового покрытия Abro это тепловое воздействие составляет 400°C, область сигналов 700 см⁻¹.

Также при значении теплового воздействия 300°C зафиксировано разрушение валентных симметричных С-О-С колебаний сложноэфирных групп $\text{-}\overset{\text{O}}{\underset{\text{O}}{\text{C}}}\text{-O-C=O}$ в области 1100 см⁻¹ (Prime), при температуре 400°C связей в областях 1150 см⁻¹ (Prime), 1170 см⁻¹ и 1080 см⁻¹ (Chamelion).

Валентные антисимметричные С-О-С колебания сложноэфирных групп $\text{-}\overset{\text{O}}{\underset{\text{O}}{\text{C}}}\text{-O-C=O}$ при

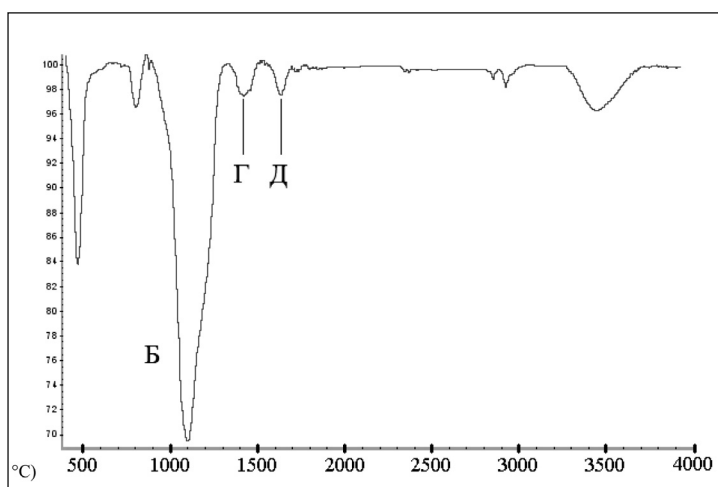

Рис. 3. ИК-спектр термического разрушения акриловой автоэмали «Abro», США (термическое воздействие 500°C)

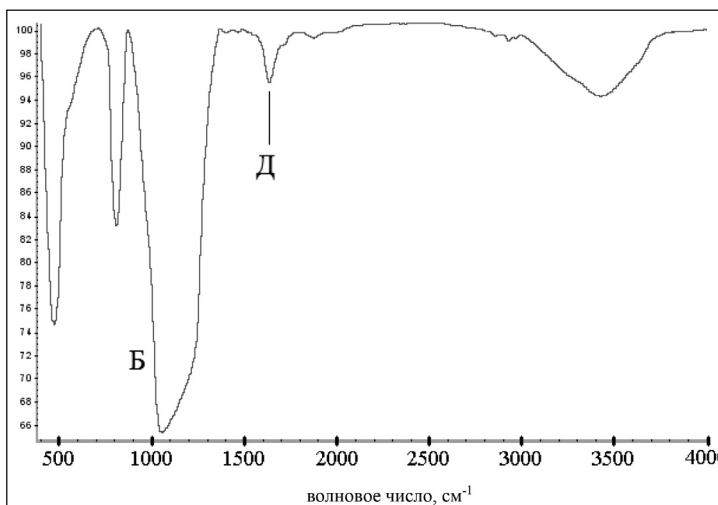

Рис. 4. ИК-спектр термического разрушения акриловой автоэмали «Abro», США (термическое воздействие в 600°C)

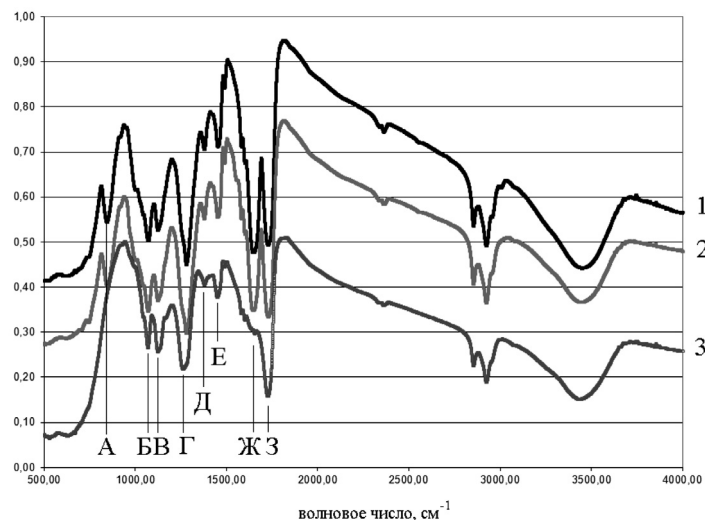

Рис. 5. ИК-спектр термического разрушения акриловой автоэмали «Motip», Нидерланды (1 — нативный образец, 2 — термическое воздействие 200°C, 3 — термическое воздействие 300°C)

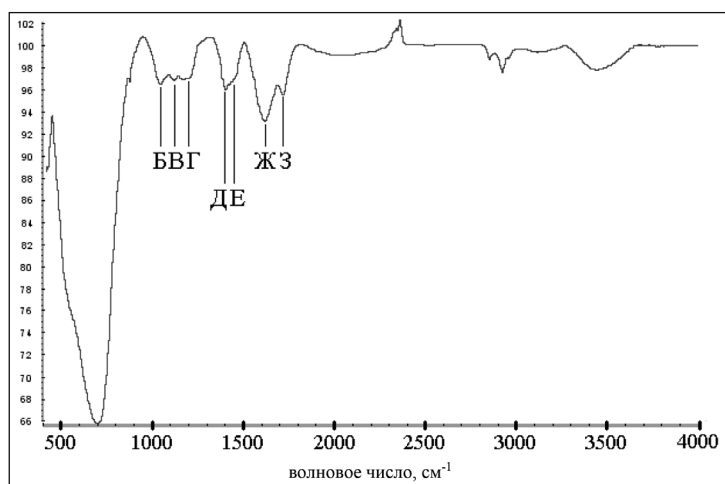

Рис. 6. ИК-спектр термического разрушения акриловой автоэмали «Motip», Нидерланды (термическое воздействие 400°C)

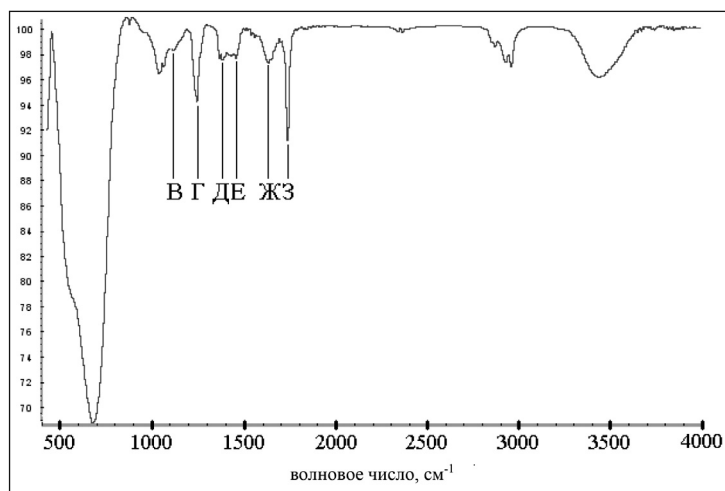

Рис. 7. ИК-спектр термического разрушения акриловой автоэмали «Motip», Нидерланды (термическое воздействие 600°C)

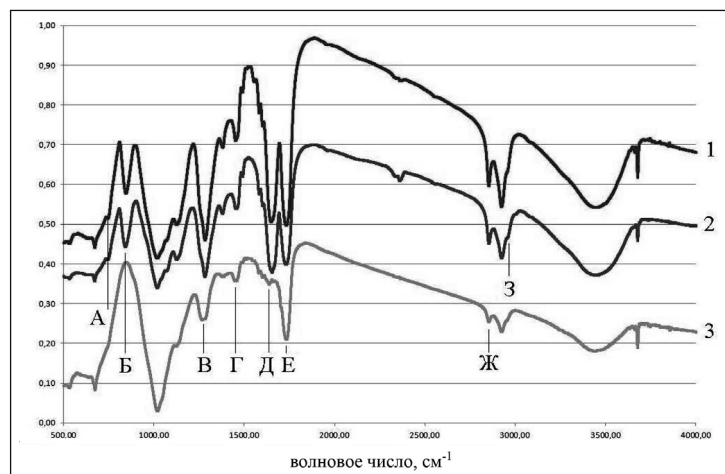

Рис. 8. ИК-спектр термического разрушения акрилового грунта «Prime», Нидерланды (1 — нативный образец, 2 — термическое воздействие 200°C, 3 — термическое воздействие 300°C)

температуре 400°C также не отображаются на картине ИК-спектров (1275 cm^{-1} — Abro, 1270 cm^{-1} — Prime).

При этой же температуре отмечается слияние сигналов колебаний С-С связей ароматического кольца: 1550–1350 cm^{-1} (Abro), 1450–1350 cm^{-1} (Motip), которые прекращают свое существование при температурах 500°C в области 1450 cm^{-1} (Prime), 600°C в области 1450 cm^{-1} (Abro).

При термическом воздействии в 500–600°C завершается разрушение >C=O связей сложноэфирных групп, сигналы колебаний которых регистрируются в областях 1730 cm^{-1} (Abro, 500°C), 1730 cm^{-1} (Prime, 600°C), 1710 cm^{-1} (Chamelion, 550°C).

Для =C–H связей олефинов и ароматики связей разрушение завершается при температуре 500°C 3020 cm^{-1} (Prime), 3070 cm^{-1} (Chamelion), при температуре 600°C в областях 2920 cm^{-1} и 2850 cm^{-1} (Abro).

Таким образом, используя признаки формирования картины ИК-спектров акриловых ЛКП кузовов автотранспортных средств, можно установить степень термического воздействия, оказываемого на лакокрасочные материалы при пожаре. Считаем, что данный метод может использоваться для получения дополнительной информации при установлении очага возгорания и путей распространения пламени при пожаре на автотранспортных средствах, когда другие методы не позволяют получить необходимую информацию о произошедшем.

Литература

1. Бельшина Ю.Н. Возможности исследования остатков лакокрасочных покрытий при расследовании пожаров на транспорте / Ю.Н. Бельшина, А.Д. Щенков // Транспорт России: Проблемы и перспективы — 2015 : материалы юбилейной Международной научно-практической конференции (г. Санкт-Петербург, 24–25 ноября 2015 г.). В 2 томах. Т. 2 : сборник научных статей / научный редактор И.Г. Малыгин. Санкт-Петербург : Изд-во Института проблем транспорта им. Н.С. Соломенко РАН, 2015. С. 197–199.
2. Беляев А.В. Криминалистическая экспертиза современных автомобильных лакокрасочных покрытий : методические рекомендации / А.В. Беляев, Т.Б. Кимстач, О.С. Орлова. Москва : ЭКЦ МВД России, 1998. 32 с.
3. Жигалов Н.Ю. Некоторые проблемы при назначении и производстве пожарно-технической экспертизы / Н.Ю. Жигалов, Г.В. Плотнокова // Российский следователь. 2017. № 13. С. 3–6.

4. Руденко М.Б. Доработка метода термического разрушения веществ и материалов, используемого в рамках производства пожарно-технической экспертизы / М.Б. Руденко // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2016. № 3 (78). С. 32–36.
5. Руденко М.Б. Использование результатов ИК-спектроскопии при исследовании степени термического разрушения акриловых грунтовых покрытий кузовов автотранспортных средств при производстве пожарно-технической экспертизы / М.Б. Руденко, П.П. Польша // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России (Иркутск). 2014. № 2 (69). С. 77–83.
6. Руденко М.Б. Исследование степени термического разрушения акриловых лаков методом ИК-спектроскопии в целях производства пожарно-технической экспертизы / М.Б. Руденко, П.С. Игнатов // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях : материалы 20-й международной научно-практической конференции (г. Иркутск, 28–29 мая 2015 г.). В 2 томах. Т. 2 : сборник научных статей / редакционная коллегия: С.А. Карнович, П.А. Капустюк, Н.Ю. Жигалов. Иркутск : ВСИ МВД России, 2015. С. 17–20.
7. Цикин А.М. Метод главных компонент в экспертизе лакокрасочных покрытий / А.М. Цикин, Ю.Б. Монахова, С.П. Курчаткин, М.М. Бурашникова и др. // Судебная экспертиза. 2014. № 2 (38). С. 95–106.
8. Шульгин С.О. О внедрении в практическую деятельность результатов научно-исследовательских работ, проводимых экспертно-криминалистическим центром МВД России в области пожарно-технических экспертиз и исследований / С.О. Шульгин, А.И. Колмаков // Эксперт-криминалист. 2007. № 4. С. 27–32.

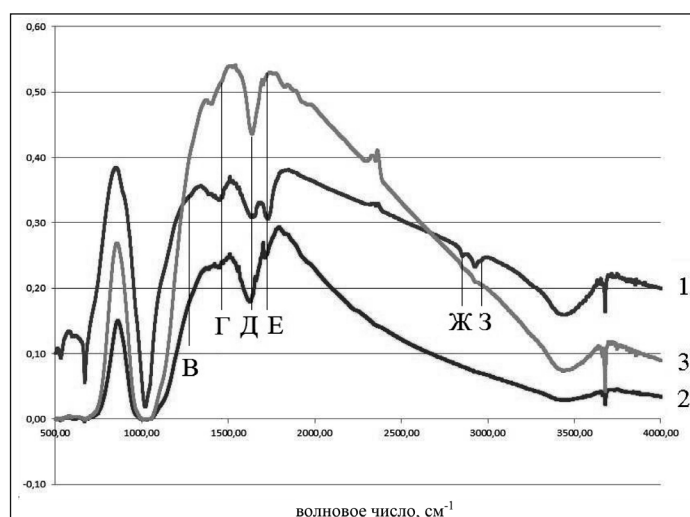

Рис. 9. ИК-спектр термического разрушения акрилового грунта «Prime», Нидерланды (1 — термическое воздействие 400°C, 2 — термическое воздействие 500°C, 3 — термическое воздействие 600°C)

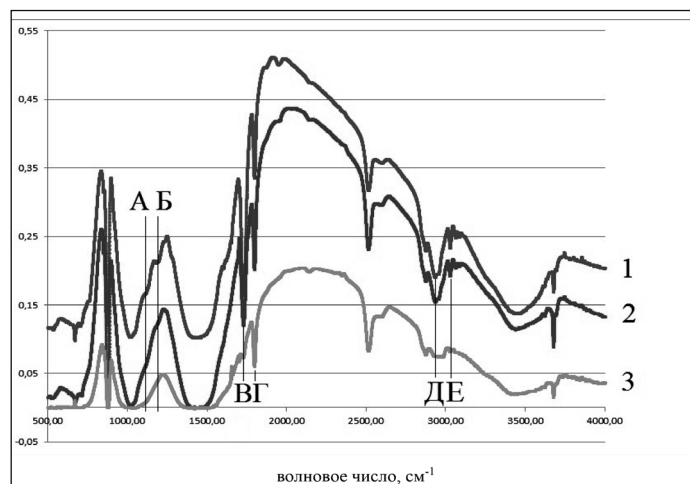

Рис. 10. ИК-спектры термического разрушения акрилового грунта «Chamelion», Нидерланды (сверху вниз: 1 — нативный образец, 2 — термическое воздействие 300°C, 3 — 400°C)

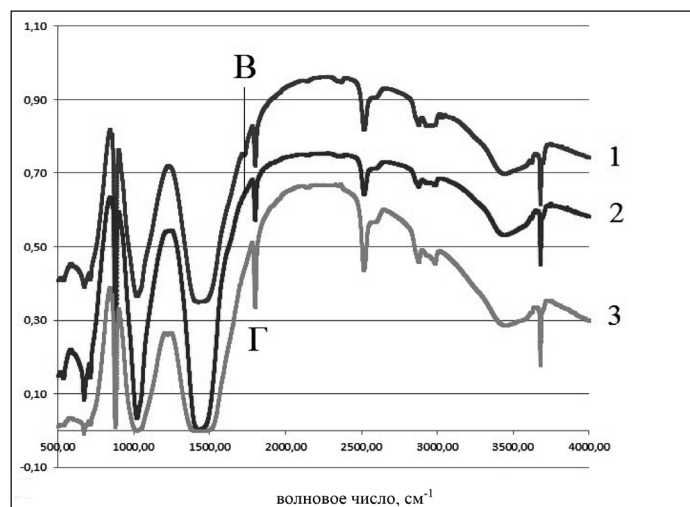

Рис. 11. ИК-спектры термического разрушения акрилового грунта «Chamelion», Нидерланды (1 — термическое воздействие 500°C, 2 — термическое воздействие 550°C, 3 — термическое воздействие 600°C)

¹ Беляев А.В., Кимстач Т.Б., Орлова О.С. Криминалистическая экспертиза современных автомобильных лакокрасочных покрытий : методические рекомендации. М., 1998. С. 32.

² См., напр.: Бельшина Ю.Н., Щенков А.Д. Возможности исследования остатков лакокрасочных покрытий при расследовании пожаров на транспорте // Транспорт России: Проблемы и перспективы — 2015 : материалы юбилейной Международной научно-практической конференции. СПб., 2015. С. 198 ; Руденко М.Б., Игнатов П.С. Исследование степени термического разрушения акриловых лаков методом ИК-спектроскопии в целях производства пожарно-технической экспертизы // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях : сборник материалов 20-й международной научно-практической конференции. Иркутск, 2015. С. 17 ; Руденко М.Б., Польша П.П. Использование результатов ИК-спектроскопии при исследовании степени термического разрушения акриловых грунтовых покрытий кузовов автотранспортных средств при производстве пожарно-технической экспертизы // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2014. № 2 (69). С. 78 ; Цикин А.М., Монахова Ю.Б., Курчаткин С.П., Бурашникова М.М. и др. Метод главных компонент в экспертизе лакокрасочных покрытий // Судебная экспертиза. 2014. № 2 (38). С. 96.

³ Подробно см.: Руденко М.Б. Доработка метода термического разрушения веществ и материалов, используемого в рамках производства пожарно-технической экспертизы // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2016. № 3 (78). С. 35.

Установление личности: современное состояние проблемы*

Яковлев Дмитрий Юрьевич,

доцент кафедры организации и методики
уголовного преследования

Иркутского юридического института (филиала)
Университета прокуратуры Российской Федерации,
кандидат юридических наук, доцент
dmitrii-iakovlev@mail.ru

В представленном обзоре рассматриваются подходы к установлению личности неопознанных трупов и лиц, не могущих сообщить сведения о себе в силу возраста и/или болезни. Указывается, что криминалистические методы идентификации личности детально разработаны и позволяют эффективно решать идентификационные задачи в случае сохранности трупного материала и наличия образцов для сравнительного исследования. Проводится краткий анализ эффективности различных судебно-медицинских подходов к идентификации человека. Предлагается использовать макроглобулины крови человека в качестве идентификационных и диагностических маркеров.

Ключевые слова: установление личности, криминалистическая идентификация, криминалистическая диагностика, идентификационные признаки.

The presented review covers approaches to establishment of identity of unidentified corpses and persons who are unable to give any data about themselves due to old age and/or illness. It is indicated that criminalistic methods of identification are developed in detail and allow efficient solving of identification tasks in case of preservation of cadaveric material and presence of samples for conducting a comparative research. A brief analysis of efficiency of various forensic approaches to human identification is carried out. It is proposed to use macroglobulins from human blood as identification and diagnostic markers.

Keywords: establishment of identity, criminalistic identification, criminalistic diagnostics, identification attributes.

Теорию криминалистической идентификации следует считать одной из наиболее разработанных частей криминалистических теорий, многие положения которой на сегодняшний день по праву носят аксиоматический характер. Зародившись во второй половине XIX века за рубежом, эта теория получила свое развитие в трудах прежде всего отечественных исследователей. Проблемам теории криминалистической идентификации посвящены докторские диссертации С.М. Потапова, В.Я. Колдина, М.Я. Сегая, В.С. Митричева, М.В. Салтевского, Т.А. Седовой. Отдельные аспекты идентификации рассматривались в докторских диссертациях Г.Л. Грановского, В.Ф. Орловой, Б.М. Комаринца, В.А. Снеткова, Н.П. Майлис, В.Е. Корноухова и др., в ряде кандидатских диссертаций, монографий и статей¹.

Такой пристальный интерес к теории криминалистической идентификации, а следовательно, и большое количество научных работ объясняются важнейшей методологической ролью этой теории не только в криминалистике, но и в смежных областях знаний, в первую очередь в судебной экспертологии и судебной медицине.

Видные специалисты в области судебной медицины — В.В. Томилин, В.В. Колкутин, А.В. Ковалев, Г.А. Пашина и др. — внесли посильный вклад в формирование теории идентификации с учетом проблематики специфических направлений установления личности. Однако, как верно отмечается в литературе, «на сегодняшний день достигнуты значительные успехи в решении про-

блемы идентификации личности, но все же большое количество вопросов остаются нерешенными»².

Эти трудности порождаются совокупностью как объективных, так и субъективных факторов, лежащих в плоскости методологического, организационно-тактического, материально-технического, кадрового обеспечения деятельности по установлению личности непознанного трупа, либо живого лица, не могущего сообщить сведения о себе в силу возраста и/или болезни³.

Немаловажную роль играет и специфика исследуемого материала — идентификационный отрезок в случае исследования биологических объектов крайне непродолжителен, биологический материал довольно быстро разрушается под воздействием физических, химических, биологических факторов, что зачастую приводит к непригодности исследуемого объекта для проведения сравнительных исследований и применения традиционных методов, установления личности следственным (неэкспертным) путем.

Проблемы особого рода возникают при массовой гибели людей в очагах крупномасштабных природных и техногенных катастроф, эпидемий и пандемий, в результате деятельности криминальных группировок, в ситуациях военных конфликтов, актах терроризма и экстремизма.

Наконец, к числу негативных факторов, оказывающих влияние на возможность идентификации объектов, надо отнести деятельность преступников по сокрытию

* **Establishment of Identity: The Modern Status of the Issue**

Yakovlev Dmitriy Yu., Associate Professor of the Department of Arrangement and Methodology of Criminal Prosecution of the Irkutsk Law Institute (branch) of the University of Prosecutor's Office of the Russian Federation, PhD (Law), Associate Professor

следов преступления — сожжению, расчленению, утоплению и т.д. трупов жертв.

При установлении личности мы неизбежно сталкиваемся с огромным разнообразием и вариативностью анатомических, генетических, функциональных признаков человека, широким спектром применяемых методов и методик и сложностью оценки полученных результатов и интерпретации получаемой информации. На наш взгляд, все существующие на сегодняшний день идентификационные системы можно условно разделить на две группы, положив в основу такого деления структурно-морфологический признак.

К первой группе можно отнести методы, направленные на изучение морфологических признаков строения тела человека: биометрические, отоскопические, дактилоскопические, дерматоглифические, одорологические, габитоскопические (в том числе краниофациальные и остелогические), абдоминологические, стоматологические и др.

Наиболее разработанными методами идентификации и установления личности человека, безусловно, являются дактилоскопические методы исследования. Их относительная простота, невысокая стоимость, отсутствие необходимости применения дорогостоящей аппаратуры, высокая степень достоверности получаемых результатов — вот далеко не полный перечень факторов, определивших бурное и повсеместное развитие описываемых методов идентификации личности.

В последнее время исследователями активно развивается дерматоглифика⁴. Как верно отмечает Е.С. Мазур, дерматоглифика является новой, нетрадиционной и достаточно экономичной технологией: «Имеющиеся на сегодняшний день стандарты в области судебной медицины и криминалистики учитывают возможности совершенствования методов дерматоглифики. Динамичное развитие данной области знаний обязывает представителей экспертного сообщества и работников следственного аппарата в полной мере использовать новые достижения науки в своей практической деятельности»⁵.

Другим направлением является порозджеоскопические методы исследования, дающие возможность идентифицировать лицо при отсутствии достаточного количества идентификационных признаков папиллярного узора⁶.

В случае обнаружения частей трупа либо расчлененного трупа интерес представляют методы идентификации, основанные на корреляции различных частей тела человека. Так, В.Н. Звягиным и И.С. Синева предложена методика диагностики соматотипа мужчин по остеометрическим характеристикам верхних и нижних конечностей⁷.

М.С. Бишарян и соавторы провели изучение особенностей строения рельефа слизистой оболочки твердого нёба и параметров рисунка слизистой оболочки спинки языка, выявив любопытные корреляции указанных признаков с этнорасовой принадлежностью, что позволяет применять этот метод для решения идентификационных задач⁸.

Ушная раковина обладает целым рядом идентификационных признаков, что дает возможность использовать особенности ее строения для установления личности человека. Так, В.П. Новоселовым с соавторами

разработана методика установления пола человека по 16 реперным точкам и 12 размерным характеристикам ушной раковины⁹, а О.С. Узлова предлагает развивать новое направление в габитоскопии — криминалистическую отоскопию¹⁰.

Применение обсуждаемых методов на практике позволяет в подавляющем большинстве случаев устанавливать групповую принадлежность идентифицируемых объектов, с высокой степенью достоверности прогнозировать наличие / отсутствие каких-либо утраченных идентификационных признаков объекта, создает объективные предпосылки применению диагностических методов и методик. Однако если биологический материал подвергся мощному воздействию различных по своей природе разрушающих факторов, применение одной методики следует признать нецелесообразным, поскольку получаемый в ходе применения такой методики результат будет носить малодостоверный характер.

Ко второй группе мы предлагаем относить методы исследования, направленные на изучение структурных (субстанциональных) признаков. Это серологические, генотипоскопические методы и методы исследования структурного полиморфизма белковых структур.

Не включаясь в рассмотрение проблемы использования серологических методов исследования, следует отметить, что большинством специалистов наиболее достоверным признается генотипоскопический метод идентификации личности¹¹.

Высокая чувствительность метода типирования ДНК позволяет работать с малыми объемами исследуемого материала, а высокая достоверность получаемых результатов гарантирует доказательственную значимость экспертных заключений. Неоспоримым преимуществом метода является возможность работы со смешанными следами биологического происхождения. Однако типирование ДНК, как и любая другая методика, не лишено недостатков, главный из которых — относительно высокая стоимость экспертного исследования. Это особенно ощутимо при массовой гибели людей в очаге крупномасштабных природных и техногенных катастроф.

Нами ранее сообщалось о попытке применения методических подходов к изучению макроглобулинов человека в норме и патологии для решения судебно-медицинских вопросов, связанных с установлением личности неопознанных трупов и останков человека, подвергшихся одновременному действию различных поражающих факторов¹². В эксперименте было доказано, что макроглобулины крови человека сохраняют нативность конформации и способность вступать в иммунохимические реакции «антиген» — «антитело» при воздействии поражающих факторов. Следовательно, учитывая наличие выраженного полиморфизма (три изоформы белка, наследующиеся по аутосомно-доминантному типу), макроглобулин человека можно рассматривать в качестве устойчивого маркера при проведении идентификационных исследований останков человека по следующим соображениям:

— концентрация макроглобулина в крови и жидких средах организма достаточно высока (0,2–0,4 г/л), что позволяет устойчиво идентифицировать его как

в плазме, так и в сыворотке крови при использовании метода электрофореза в полиакриламидных гелях;

— данный белок устойчив к действию поражающих факторов и сохраняет нативную конформацию;

— полиморфизм белка представлен тремя устойчивыми генетическими формами, наследуемыми по ауто-сомно-доминантному типу;

— устойчивость получаемых результатов говорит о достаточной воспроизводимости примененных методов¹³.

В заключение следует отметить, что проблема установления личности человека требует окончательного разрешения. Необходимость решения этой проблемы очевидна. На наш взгляд, назрела потребность алгоритмизации следственной, судебной и экспертной деятельности в плоскости организации идентификационных исследований, создания аппаратно-программных комплексов, способных анализировать большие объемы статистических данных, устанавливать корреляционные параметры исследуемых признаков, осуществлять диагностические и прогностические расчеты.

Литература

1. Аминев Ф.Г. Об интеграции судебных экспертиз при расследовании преступлений / Ф.Г. Аминев // Эксперт-криминалист. 2015. № 1. С. 3–6.
2. Белкин Р.С. Курс криминалистики. В 3 томах. Т. 2. Частные криминалистические теории / Р.С. Белкин. Москва : Юрист, 1997. 464 с.
3. Бишарян М.С. Использование особенностей строения слизистой оболочки твердого неба у жителей Республика Армения с целью идентификации личности / М.С. Бишарян, П.О. Ромодановский, Е.Х. Баринов // Вестник судебной медицины. 2012. № 1. С. 23–25.
4. Втюрин А.В. Порожджескопическое исследование кожных узоров человека : учебно-практическое пособие / А.В. Втюрин, К.Н. Иванов. Тюмень : Тюменский юридический институт МВД России, 2007. 73 с.
5. Звягин В.Н. Определение соматотипа мужчин по остеометрическим признакам верхней и нижней конечностей / В.Н. Звягин, И.М. Синева // Судебно-медицинская экспертиза. 2009. Т. 52. № 5. С. 6–10.
6. Иванов П.Л. Применение молекулярно-генетических технологий для идентификации российских граждан, погибших при цунами в Тайланде (II): рано ставить точку? / П.Л. Иванов, В.А. Клевно, Н.Л. Каганова // Судебно-медицинская экспертиза. 2009. Т. 52. № 2. С. 10–18.
7. Криминалистическое изучение личности : научно-практическое пособие для магистров / ответственный редактор Я.В. Комиссарова. Москва : Проспект, 2016. 224 с.
8. Мазур Е.С. К вопросу о новых криминалистических методах отождествления человека / Е.С. Мазур // Российский следователь. 2013. № 11. С. 40–42.
9. Новоселов В.П. Возможность установления пола при судебно-медицинской идентификации личности с использованием ушной раковины / В.П. Новоселов, С.В. Савченко, Е.В. Пяткова, Ю.В. Чикинев [и др.] // Медицина и образование в Сибири. 2013. № 6. С. 66–75.
10. Солодун Ю.В. Проблемы комплексной идентификации останков человека при расследовании авиационных катастроф : научно-методическое пособие / Ю.В. Солодун, Д.Ю. Яковлев. Иркутск : Иркутский институт повышения квалификации прокурорских работников Генеральной прокуратуры РФ, 2004. 138 с.
11. Узлова О.С. Криминалистическая отоскопия как метод идентификации человека / О.С. Узлова // Эксперт-криминалист. 2012. № 2. С. 31–32.
12. Федин И.Ф. Проблема идентификации человека / И.Ф. Федин, И.В. Чикун, Н.С. Горбунов, Н.В. Хлуднева // Вестник судебной медицины. 2018. Т. 7. № 1. С. 56–60.
13. Яковлев Д.Ю. Идентификация останков человека методом иммуноферментного анализа макроглобулинов крови / Д.Ю. Яковлев // Эксперт-криминалист. 2016. № 4. С. 19–22.
14. Яровенко В.В. Проблемы применения дерматоглифических исследований в криминалистике : автореферат диссертации доктора юридических наук / В.В. Яровенко. Екатеринбург, 1996. 35 с.

¹ См., напр.: Белкин Р.С. Курс криминалистики. В 3 т. Т. 2. Частные криминалистические теории. М., 1997. С. 244 ; Криминалистическое изучение личности : научно-практическое пособие для магистров / отв. ред. В.Я. Комиссарова. М., 2016.

² Федин И.Ф., Чикун И.В., Горбунов Н.С., Хлуднева Н.В. Проблема идентификации человека // Вестник судебной медицины. 2018. Т. 7. № 1. С. 58.

³ Аминев Ф.Г. Об интеграции судебных экспертиз при расследовании преступлений // Эксперт-криминалист. 2015. № 1. С. 4.

⁴ Яровенко В.В. Проблемы применения дерматоглифических исследований в криминалистике : автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Екатеринбург, 1996. С. 12.

⁵ Мазур Е.С. К вопросу о новых криминалистических методах отождествления человека // Российский следователь. 2013. № 11. С. 42.

⁶ Втюрин А.В., Иванов К.Н. Порожджескопическое исследование кожных узоров человека : учебно-практическое пособие. Тюмень, 2007. С. 13.

⁷ Звягин В.Н., Синева И.М. Определение соматотипа мужчин по остеометрическим признакам верхней и нижней конечностей // Судебно-медицинская экспертиза. 2009. № 5. С. 6–10.

⁸ Бишарян М.С., Ромодановский П.О., Баринов Е.Х. Использование особенностей строения слизистой оболочки твердого неба у жителей Республика Армения с целью идентификации личности // Вестник судебной медицины. 2012. № 1. С. 23–25.

⁹ Новоселов В.П., Савченко С.В., Пяткова Е.В., Чикинев Ю.В. и др. Возможность установления пола при судебно-медицинской идентификации личности с использованием ушной раковины // Медицина и образование в Сибири. 2013. № 6. С. 66–75.

¹⁰ Узлова О.С. Криминалистическая отоскопия как метод идентификации человека // Эксперт-криминалист. 2012. № 2. С. 31–32.

¹¹ Иванов П.Л., Клевно В.А., Каганова Н.Л. Применение молекулярно-генетических технологий для идентификации российских граждан, погибших при цунами в Тайланде (II): рано ставить точку? // Судебно-медицинская экспертиза. 2009. № 2. С. 10–18.

¹² Солодун Ю.В., Яковлев Д.Ю. Проблемы комплексной идентификации останков человека при расследовании авиационных катастроф : научно-методическое пособие. Иркутск, 2004. 138 с.

¹³ Яковлев Д.Ю. Идентификация останков человека методом иммуноферментного анализа макроглобулинов крови // Эксперт-криминалист. 2016. № 4. С. 19–22.

Трибуна молодых ученых

Частные криминалистические теории в системе криминалистического обеспечения расследования фальсификации доказательств*

Попов Вадим Петрович,

аспирант кафедры криминалистики Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
popov.vp1993@gmail.com

Использование частных криминалистических теорий — обязательное условие надлежащего криминалистического обеспечения расследования преступлений, связанных с фальсификацией доказательств. Настоящая статья посвящена основным положениям теории преодоления противодействия уголовному преследованию, теории проверки достоверности криминалистически значимой информации и теории документоуправления и тем возможностям, которые они открывают при разработке средств и методов выявления фальсификации доказательств.

Ключевые слова: криминалистическое обеспечение, частные криминалистические теории, преодоление противодействия, проверка достоверности информации.

The use of private forensic theories is a compulsory condition for the development of reasonable forensic support for the investigation of crimes related to falsification of evidence. This article is devoted to the main provisions of the theory of overcoming opposition to criminal prosecution and the theory of verification of the reliability of criminalistic information and the theory of document management and the opportunities that they offer when developing tools and methods for revealing falsification of evidence.

Keywords: forensic support, private forensic theories, overcoming opposition, checking of the reliability of information.

Без разработки теоретических положений криминалистики невозможно выстроить систему обоснованных рекомендаций для практики. Тем не менее некоторые ученые-криминалисты упрекают коллег в излишней теоретизации. Так, В.Я. Колдин сравнил существующую теоретическую модель отечественной криминалистики с «монстром с деформированно большой головой и дистрофией туловища и конечностей»¹. Это значит, что необходимо соблюдать оптимальный баланс между теоретическим и прикладным направлениями развития науки криминалистики.

Применительно к проблемам обеспечения расследования фальсификации доказательств представляется целесообразным, методологически важным, научно и практически значимым рассматривать следующие составы преступлений в качестве единого самостоятельного криминалистического объекта исследования:

- фальсификация доказательств по гражданскому делу;
- фальсификация доказательств по административному делу;
- фальсификация доказательств по делу об административном правонарушении;
- фальсификация доказательств по уголовному делу;
- фальсификация результатов оперативно-разыскной деятельности.

Объединение вышеуказанных составов в единый объект криминалистического исследования обусловлено рядом причин.

Во-первых, эти преступления нуждаются в исследовании, которое надлежит проводить с учетом появления новых уголовно-правовых норм об ответственности за фальсификацию доказательств. За последнее время произошли существенные изменения в законодательстве — в 2017 году были включены новые составы преступлений в ст. 303 УК РФ, предусматривающие ответственность за фальсификацию

доказательств по административным делам и делам об административных правонарушениях. То есть с точки зрения уголовного права указанные составы следует рассматривать в совокупности с иными преступлениями, связанными с фальсификацией доказательств.

Во-вторых, исследуемые общественно опасные деяния с криминалистических позиций образуют группу преступлений, сходных как по значимым признакам (по объекту преступного посягательства, по способу совершения преступления, по мотивам совершения преступления и т.д.), так и по задачам, средствам, методам их выявления, расследования и предупреждения.

В-третьих, фальсификация доказательств нередко оказывается связана со взяточничеством, коммерческим подкупом, должностными преступлениями и мошенничеством. Выявление этих преступлений — сложный процесс, требующий подключения всего арсенала достижений криминалистики и глубоких знаний различных отраслей права.

В-четвертых, криминалистическое исследование фальсификации доказательств требует проработки комплекса вопросов, имеющих значение для всех перечисленных составов, включая определение понятийного аппарата.

Под криминалистическим обеспечением расследования преступлений, связанных с фальсификацией доказательств, следует понимать систему формирования криминалистических знаний с использованием арсенала криминалистики, включая достижения тактики, техники, методики и положений частных криминалистических теорий.

Общую теорию криминалистики принято рассматривать как систему знаний о выявлении, раскрытии и расследовании различных преступлений. Частные криминалистические теории — компоненты общей теории криминалистики, в рамках которых изучаются отдельные стороны (элементы, группы элементов) предмета криминалистики

* **Private Criminalistic Theories in the System of Criminalistic Support of Evidence Tampering Investigation**

Popov Vadim P., Postgraduate Student of the Department of Criminalistics of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

и служащие научной основой для разработки криминалистических средств, приемов и рекомендаций.

Указывая на значимость частной криминалистической теории, В.А. Образцов писал, что она:

— играет роль системообразующего фактора, объединяющего в одно целостное, системное образование некогда разрозненные теоретические исследования, осуществляемые в связи с изучением определенных явлений;

— создает возможность плодотворного выявления на основе раздельного изучения и сравнительного анализа полученных результатов специфики частей данного целого и того, что присуще всем этим частям — отдельным видам объектов и их элементам, в чем выражено их сходство;

— создает предпосылки для эффективной разработки общих положений, а также специфических приемов, средств и методов передачи использования полученной уголовно-релевантной информации при выявлении и расследовании преступлений;

— способствует выявлению внутренних связей элементов упомянутой системы и определению их места в закономерном ряду объектов того же порядка, а на основе выявления внешних связей с другими криминалистическими категориями, отраслями и направлениями — определению ее места в общей системе криминалистики².

Повышению эффективности расследования фальсификации доказательств, на наш взгляд, может способствовать использование частных криминалистических теорий преодоления противодействия уголовному преследованию, проверки достоверности криминалистически значимой информации, документоведения, а также знаний о фальсификации как объекте криминалистического анализа. Причем положения теории преодоления противодействия уголовному преследованию и теории проверки достоверности криминалистически значимой информации должны стать базисом исследования.

Противодействие расследованию (судебному разбирательству), как и средства его преодоления, известно с древних времен³. В отечественной криминалистике понятие «противодействие расследованию» используется с 60-х годов XX века и долгое время увязывалось с сокрытием преступления. По причинам политического, социально-экономического, правового характера изучение проблемы преодоления противодействия расследованию преступлений в криминалистике активизировалось в 90-е годы прошлого столетия. Проблемы противодействия расследованию и его преодоления нашли отражение в трудах Т.В. Аверьяновой, Э.У. Бабаевой, О.Я. Баева, Р.С. Белкина, И.А. Бобракова, А.Ф. Волынского, А.Ю. Головина, С.Ю. Журавлева, В.Н. Карагодина, А.М. Кустова, В.П. Лаврова, А.Ф. Лубина, И.М. Лузгина, Г.М. Меретукова, И.А. Николайчука, И.В. Тишутинной, В.В. Трухачева, Н.П. Яблокова, других специалистов. В дополнение к изложенному в литературе в числе факторов, определяющих многообразие способов противодействия расследованию, В.И. Комиссаров и Я.В. Комиссарова указывают на несовершенство механизма процессуального регулирования использования специальных знаний в доказывании по уголовным делам⁴.

Фальсификация доказательств является одним из наиболее распространенных способов противодействия расследованию. Она не может осуществляться в пассивной форме. Это совокупность умышленных, активных, целенаправленных действий. Фальсификация относится к активному способу противодействия, поскольку субъект осознает, что его действия направлены на создание реальных препятствий. Выявление и разоблачение такого противодействия — одна из важнейших задач судопроиз-

водства и оперативно-разыскной деятельности, решение которой предполагает установление факта и особенностей противодействия, его участников, целей, мотивов, способов и средств достижения целей, механизма содеянного, его временных, пространственных и иных характеристик, включая негативные последствия содеянного. С этой точки зрения теория преодоления противодействия уголовному преследованию призвана способствовать разработке:

— кратких и развернутых программ преодоления противодействия при расследовании данных преступлений применительно к различным видам судопроизводства и в оперативно-разыскной деятельности, а также методических рекомендаций по их применению;

— средств криминалистической техники, используемых для решения задач преодоления противодействия при осуществлении всех видов судопроизводства и оперативно-разыскной деятельности;

— тактических приемов преодоления противодействия при производстве отдельных действий по уголовным, гражданским, административным делам, делам об административном правонарушении, в ходе оперативно-разыскной деятельности.

Не меньшую пользу для криминалистического обеспечения расследования преступлений, связанных с фальсификацией доказательств, может принести частная криминалистическая теория проверки достоверности криминалистически значимой информации.

По закону суд обязан проводить проверку доказательств, в том числе путем назначения экспертиз, истребования других доказательств, а также принятия иных мер. В уголовном процессе проверку доказательств осуществляют также дознаватель, следователь и прокурор.

Согласно ст. 87 УПК РФ проверка доказательств производится путем сопоставления их с другими доказательствами, имеющимися в уголовном деле, а также установления их источников, получения иных доказательств, подтверждений или опровергающих проверяемое доказательство.

В соответствии со ст. 186 ГПК РФ и ст. 161 АПК РФ проверка судом достоверности доказательств осуществляется путем подачи заявления о подложности (гражданский процесс) или фальсификации (арбитражный процесс). При этом ст. 186 ГПК РФ наделяет суд правом назначить экспертизу или предложить сторонам представить иные доказательства.

Независимо от сферы осуществления фальсификации доказательств, расследование будет направлено на получение уголовно-релевантной информации, которая может быть определена как сведения, имеющие значение для успешного выявления и раскрытия преступления, решения иных задач в уголовном судопроизводстве. По справедливому мнению Н.В. Кручининной, глубоко исследовавшей данную проблематику, объектом теории проверки достоверности уголовно-релевантной информации служит деятельность субъектов уголовного преследования в стадии возбуждения и предварительного расследования, нацеленная на осуществление надлежащим образом организованной, квалифицированной проверки различных видов уголовно-релевантной информации, которой они располагают в тот или иной момент, и завершающаяся анализом, оценкой полученных результатов и принятием соответствующего тактического и правового решения⁵.

Криминалистическое учение о проверке достоверности уголовно-релевантной информации охватывает две части: общую (общая теория о проверке достоверности информации) и особенную (частные теории проверки достоверности отдельных видов информации).

Общая теория определяется как обобщенная типовая информационная модель, содержащая знание об общих признаках, связях и отношениях, изучаемых и создаваемых в рамках упомянутого учения объектов: «Она включает в себя определения основных понятий, характеристику и классификации проверяемой информации, ее источников, принципы, правила, методы, приемы, технологические модели деятельности по проверке достоверности информации и ряд других моментов, важных для различных видов такого рода деятельности и поисково-познавательных ситуаций»⁶.

Особенная часть рассматривается в виде комплекса теорий более низкого уровня, выделяемых по различным основаниям. К их числу могут быть отнесены: теория проверки информации на отдельных стадиях уголовного процесса; теории проверки устной и письменной речевой, вербальной и невербальной, вещной (предметной), документальной, следственной и оперативно-разыскной, фактической и предположительной, а также иных видов информации; теории проверки информации при решении типичных следственных задач (например, по выявлению и разоблачению самоговора, лжесвидетельства, распознаванию инсценировки, по проверке информации об алиби и т.д.).

В рамках криминалистического обеспечения расследования фальсификации доказательств следует помнить, что фальсифицируемая информация не всегда в полном объеме оказывается ложной. Например, кредитор по договору займа утратил расписку и самостоятельно изготовил дубликат, совпадающий по содержанию с оригиналом. Информация о должнике, сумма долга будут соответствовать реальным, однако подпись должника в данном случае фальсифицирована, что превратит доказательство в подложное.

Проверку значимой для уголовного производства информации следует рассматривать как процесс обеспечения сравнительного анализа, сопоставления проверяемой информации с данными, имеющимися в деле, установления источников проверяемой информации и как процесс собирания новой информации. Сравнительный анализ имеющихся в криминалистической литературе классификаций носителей уголовно-релевантной информации позволяет выявить относительно самостоятельные общие массивы (поток) уголовно-релевантной информации и тем самым создать предпосылки для определения основных направлений проверки данной информации с точки зрения установления факта и степени ее достоверности.

Специфика расследования фальсификации доказательств заключается в том, что установление достоверности информации нередко осуществляется с использованием специальных знаний, прежде всего в области исследования документов. Соответственно, положения частной теории документоведения могут быть применены при производстве по делам о фальсификации доказательств во всех видах судопроизводства и оперативно-разыскной деятельности.

Опора на теорию документоведения позволяет выделить следующие закономерности:

— использование современных достижений науки при создании методик, расширяющих возможности исследования уже известных объектов (это проявляется в формировании базы обособления новых родов (видов) судебных экспертиз);

— применение специальных знаний из области криминалистики, теории криминалистической идентификации, частных теорий судебной экспертизы, теории доказывания, методов и методик других наук;

— обязательная трансформация уголовно-релевантной информации субъектом применения методов криминалистического документоведения в форму, понятную для адресата доказывания;

— выявление обстоятельств, способствовавших совершению преступлений, и совершенствование рекомендаций по устранению данных обстоятельств.

Таким образом, частные криминалистические теории играют важную роль в системе криминалистического обеспечения расследования преступлений, связанных с фальсификацией доказательств. Правильное применение положений указанных выше частных криминалистических теорий призвано способствовать полному и своевременному установлению обстоятельств дела, эффективному производству предварительного и судебного следствия.

Литература

1. Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики : репринтное издание 1908 года / Г. Гросс ; научный редактор В.В. Крылов. Москва : ЛексЭст, 2002. 1088 с.
2. Колдин В.Я. Криминалистика: теоретическая наука или прикладная методология? / В.Я. Колдин // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2000. № 4. С. 3–19.
3. Комиссаров В.И. К вопросу о субъектах и способах противодействия расследованию / В.И. Комиссаров, Я.В. Комиссарова // Право, наука, образование: традиции и перспективы : материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 85-летию Саратовской государственной юридической академии (в рамках VII Саратовских правовых чтений (г. Саратов, 29–30 сентября 2016 г.) : сборник научных статей / ответственный редактор Е.В. Вавилин. Саратов : СГЮА, 2016. С. 525–527.
4. Кручинина Н.В. Основы криминалистического учения о проверке достоверности уголовно-релевантной информации : автореферат диссертации доктора юридических наук / Н.В. Кручинина. Москва, 2003. 54 с.
5. Кручинина Н.В. Проблемы теории и практики проверки достоверности уголовно-релевантной информации в досудебном процессе : монография / Н.В. Кручинина. Москва : Вердикт-1М, 2003. 296 с.
6. Образцов В.А. Криминалистическое взрывоведение: состояние, проблемы, перспективы / В.А. Образцов, А.А. Беляков // «Черные дыры» в Российском законодательстве. 2003. № 3 С. 10–20.

¹ Колдин В.Я. Криминалистика: теоретическая наука или прикладная методология? // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2000. № 4. С. 12.

² Образцов В.А., Беляков А.А. Криминалистическое взрывоведение: состояние, проблемы, перспективы // «Черные дыры» в Российском законодательстве. 2003. № 3. С. 18.

³ Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. М., 2002. С. 346–372.

⁴ Комиссаров В.И., Комиссарова Я.В. К вопросу о субъектах и способах противодействия расследованию // Право, наука, образование: традиции и перспективы : сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции, посвященной 85-летию Саратовской государственной юридической академии (в рамках VII Саратовских правовых чтений, Саратов, 29–30 сентября 2016 г.) / редколлегия: Е.В. Вавилин (отв. ред.) и др. Саратов, 2016. С. 525.

⁵ Кручинина Н.В. Основы криминалистического учения о проверке достоверности уголовно-релевантной информации : автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2003. С. 15.

⁶ Кручинина Н.В. Проблемы теории и практики проверки достоверности уголовно-релевантной информации в досудебном процессе : монография. М. : Вердикт-1М, 2003. С. 17.

К вопросу о тактическом назначении судебных экспертиз при расследовании уголовных дел о незаконном обороте наркотиков в Социалистической Республике Вьетнам*

Тью Ван Хунг,

аспирант кафедры судебной экспертизы и таможенного дела
Института права и управления Тульского государственного университета
chuvanhung051092@gmail.com

В статье подробно анализируются интерпретации понятия «экспертиза», дано авторское определение этого термина. Рассматриваются современные виды судебных экспертиз при расследовании уголовных дел о незаконном обороте наркотиков в Социалистической Республике Вьетнам.

Ключевые слова: судебная экспертиза, наркотическое средство, незаконный оборот наркотиков, законодательство Социалистической Республики Вьетнам.

The article analyzes in detail the interpretation of the notion “expertise”, gives the author’s definition of this term. The article considers modern types of forensic examinations in the investigation of criminal cases of drug trafficking in the Socialist Republic of Vietnam.

Keywords: forensic examination, narcotic drug, drug trafficking, legislation of the Socialist Republic of Vietnam.

В настоящее время при расследовании преступлений различных категорий наметилась тенденция увеличения случаев, когда в качестве вещественных доказательств выступают наркотики. Они являются основным доказательством при расследовании уголовных дел, связанных с их незаконным производством, хранением, присвоением, а также с перевозкой наркотиков и торговлей ими. Следовательно, назначение судебных экспертиз по делам, связанным с незаконным оборотом наркотиков, становится важной стадией расследования уголовных дел данной категории.

По мнению Т.В. Аверьяновой, «экспертиза представляет собой процессуальное действие, заключающееся в производстве исследований различных объектов по поручению уполномоченного субъекта соответствующими специалистами и даче заключения о результатах этих исследований»¹.

Как полагает Е.Р. Россинская, понятие «экспертиза» используется в науке и практике для обозначения исследований, требующих использования профессиональных знаний. Результаты эксперт получает опытным путем с помощью специального инструментария — экспертных методик².

Мы согласны с мнением В.А. Жбанкова, который считает, что «судебная экспертиза — это процессуальное действие, состоящее в производстве в установленном законом порядке исследований тех или иных объектов специалистами в науке, технике, искусстве, ремесле и даче ими заключения по вопросам, возникающим в ходе расследования по уголовным делам»³.

Вьетнамские специалисты солидарны с российскими коллегами. Так, Буй Киен Диен обоснованно пишет, что «назначение судебных экспертиз в уголовном судопроизводстве — это следственное действие уполномоченного органа, состоящее в проведении в установленном законом порядке специалистами и даче ими заключения по специ-

альным вопросам с целью собирания, фиксирования, проверки и оценки доказательств в расследовании уголовных дел»⁴.

Следует отметить, что в соответствии с ч. 1 ст. 2 Закона СРВ о судебной экспертизе сутью назначения и производства судебных экспертиз при расследовании различных преступлений является использование специальных знаний и методов в науке, технике и т.д. с целью дачи заключения по специальным вопросам по поручению органов следствия.

Учитывая вышеизложенное, мы полагаем, что *под назначением судебных экспертиз при расследовании уголовных дел о незаконном обороте наркотиков следует понимать самостоятельное действие следственных органов, состоящее в производстве в установленном законом порядке экспертизы экспертами (или специалистами) и даче ими заключения по специальным вопросам с целью собирания, фиксирования, проверки и оценки доказательств в расследовании уголовных дел данной категории.*

Назначение судебных экспертиз при расследовании уголовных дел о незаконном обороте наркотиков характеризуется⁵:

во-первых, определением профессиональных вопросов, требующих разъяснения и уточнения в письменной форме (перечень вопросов);

во-вторых, проведением по поручению следственных органов исследований соответствующими экспертами (или специалистами) и дачей заключения о результатах этих исследований в установленном законом порядке;

в-третьих, гарантией необходимых условий для производства судебных экспертиз (например, срок проведения).

Особенности объектов или предметов, их количество и форма обуславливают специфику подготовки материалов для экспертного исследования и определенные требования, предъявляемые к этому процессу. Так, целесообразно направлять микрочастицы и микроследы видов наркоти-

* **On Tactical Designation of Forensic Examinations in Investigation of Criminal Cases on Illicit Drug Trafficking in the Socialist Republic of Vietnam**

Chu Van Hung, Postgraduate Student of the Department of Forensic Examination and Customs of the Institute of Law and Management of the Tula State University

ков на экспертизу непосредственно на объектах-носителях, на которых они были обнаружены или могут быть обнаружены. При этом необходимо помнить, что ввиду неустойчивости большинства органических компонентов наркотиков объекты-носители с микроследами наркотиков должны быть доставлены в экспертное учреждение в максимально короткие сроки⁶.

На наш взгляд, по делам о незаконном обороте наркотиков необходимо назначить следующие виды (группы) судебных экспертиз, соответствующие следам преступлений данной категории:

1 группа — криминалистическая, агротехническая и судебно-ботаническая экспертизы по следам культивирования опиума, кокаина, марихуаны или других растений, содержащих наркотические вещества;

2 группа — криминалистическая, судебно-химико-технологическая, судебно-химико-токсикологическая и судебно-фармакологическая экспертизы по следам производства наркотических средств;

3 группа — криминалистическая, судебно-химическая, судебно-фармакологическая, судебно-трасологическая экспертизы по следам перевозки, хранения и торговли наркотических средств;

4 группа — криминалистическая, судебно-почвоведческая, судебно-химико-токсикологическая, судебно-наркологическая и судебно-психиатрическая экспертизы по следам потребления наркотических средств;

5 группа — криминалистическая, судебно-трасологическая и судебная почвоведческая экспертизы по следам нарушения правил управления, использования наркотических средств, прекурсоров, препаратов, вызывающих привыкание, психотропных препаратов.

Мы полагаем, что вышеуказанная классификация не является исчерпывающей, так как назначение судебных экспертиз во многом зависит от количества и качества оставленных на месте происшествия следов, требования органов следствия, а также от необходимости назначения конкретного вида судебной экспертизы, соответствующего цели расследования и раскрытия преступлений данной категории.

Назначение судебных экспертиз по уголовным делам о незаконном обороте наркотиков включает следующие этапы: подготовительный, рабочий и заключительный.

На подготовительном этапе назначения судебных экспертиз по уголовным делам о незаконном обороте наркотиков органы следствия должны провести следующие действия⁷:

а) исследование, обобщение всех материалов, полученных сведений, соответствующих уголовным делам данной категории; непосредственное рассмотрение и изучение документов, вещественных доказательств, изъятых следов и образцов, в том числе: установление следственных требований, которые должны быть решены путем назначения судебной экспертизы; предварительная оценка количества и качества документов, вещественных доказательств (наркотики), изъятых следов; существует ли достаточно условий для производства судебной экспертизы и возможность получения доказательной информации; оценка достаточности количества и качества образцов для сравнительного исследования; установление достаточности информации и документов, связанных с уголовным делом, для обеспечения работы эксперта; исследование содержания объектов, связанных с видом судебной экспертизы, и формулирование вопросов, поставленных перед экспертом; оценка необходимого количества вещественных доказательств, образцов, следов для производства судебной экспертизы;

б) оформление требований к судебной экспертизе должно проводиться с учетом следующих моментов: уточ-

нение вопросов, связанных с элементами состава преступления (предмет преступления — наркотик); определение возможности органов следствия по обеспечению документами, вещественными доказательствами (наркотики), изъятыми следами для экспертного учреждения; достаточности по количеству и качеству образцов для сравнительного исследования; минимальных условий, необходимых для производства судебной экспертизы; условий и реальной возможности экспертного учреждения и эксперта (квалификация, опыты и навыки проведения судебной экспертизы, а также наличие технико-криминалистической базы и др.); установление перечня вопросов, поставленных перед экспертом;

в) выбор экспертного учреждения и назначение эксперта проводится в соответствии с требованиями УПК СРВ и Закона СРВ о судебной экспертизе и на основе профессиональных условий и технико-криминалистической базы назначенного экспертного учреждения;

г) подготовка необходимых условий для производства судебной экспертизы, за которую отвечают органы следствия, в том числе за постановление о назначении судебной экспертизы, за подготовку документов, вещественных доказательств (наркотики), изъятых следов, образцов для сравнительного исследования в соответствии с установленными требованиями, за сбор сведений, имеющих значение для проведения судебной экспертизы, при необходимости за обеспечение условий для работы эксперта при проведении судебной экспертизы вне экспертного учреждения.

Следует отметить, что каждый год криминалистические подразделения Министерства общественной безопасности СРВ проводят около 21 тыс. судебных экспертиз по наркотикам, что составляет примерно 25% от общего объема назначения и производства судебных экспертиз в 11 областях (включая судебную медицину). В настоящее время в СРВ имеется около 150 экспертов, в среднем в каждом отделе криминалистической техники имеется два эксперта в этой области. Вследствие ограничения количества специальных кадров пока еще невозможно адекватно реагировать на требования производства судебной экспертизы наркотиков, особенно в крупнейших городах и «горячих точках» по борьбе с наркотиками (например, в Хошимине, Ханое и в приграничных провинциях)⁸.

В ходе рабочего этапа назначения судебных экспертиз по уголовным делам о незаконном обороте наркотиков следователь выносит постановление о назначении экспертизы и организационно обеспечивает проведение экспертного исследования.

В постановлении о назначении судебной экспертизы указываются: название экспертного учреждения; фамилия и имя назначенного эксперта; краткие сведения об объекте (или предмете) назначения судебной экспертизы; происхождение и индивидуальные особенности объекта судебной экспертизы (цвет, форма, количества и содержание наркотического средства); соответствующие документы и образцы для сравнительного исследования; содержание требований к судебной экспертизе; срок производства судебной экспертизы.

При необходимости дополнительной и повторной судебной экспертизы следует составлять постановление о назначении дополнительной или повторной судебной экспертизы. Если в наличии большое количество документов, вещественных доказательств, следов, образцов для сравнительного исследования, то нужно составить таблицу учета указанных объектов.

Время вынесения постановления о назначении судебной экспертизы может быть любым в течение всего периода расследования преступления. Это зависит от сложности уголовного дела, состояния изъятых вещественных дока-

зательств, следов, образцов для сравнительного исследования, значения заключения эксперта на конкретном этапе следствия, срока производства судебной экспертизы и др. Кроме того, большое значение имеет конкретная следственная ситуация по уголовному делу. Так, в случае нарушения первоначальной целостности изъятых вещественных доказательств, следов, образцов для сравнительного исследования под влиянием природных условий следователь должен срочно выносить постановление о назначении судебной экспертизы. При наличии требований о сохранении секретности расследования преступления необходимо назначить судебную экспертизу в разумные сроки.

После вынесения постановления о назначении судебной экспертизы следователю необходимо связаться с экспертом, сформулировать требования по судебной экспертизе изъятых вещественных доказательств, следов, образцов для сравнительного исследования.

Порядок и процедура производства судебной экспертизы соответствуют требованиям УПК РФ и Закону РФ о судебной экспертизе. В ходе производства судебной экспертизы органы следствия должны своевременно и полностью выполнить необходимые требования эксперта и обеспечить дополнительными материалами для ее производства.

При необходимости по ходатайству эксперта следователь обеспечивает участие эксперта в процессуальных действиях и возможность задать вопросы, относящиеся к предмету судебной экспертизы, а также позволяет эксперту исследовать предметы судебной экспертизы на месте происшествия (например, место производства и хранения наркотиков).

Следует проводить постоянный обмен информацией между органами следствия (следователем) и экспертным учреждением (экспертом). В случаях, не терпящих отлагательства, эксперт может производить судебную экспертизу непосредственно на месте происшествия с разрешения органов следствия.

На заключительном этапе назначения судебных экспертиз по уголовным делам о незаконном обороте наркотиков осуществляются оценка результатов судебной экспертизы и их использование для решения юридических вопросов, связанных с уголовным делом (например, вопросов о том, являются ли наркотиком вещественные доказательства, следы, образцы для сравнительного исследования, каковы происхождение, способы производства и сокрытия наркотиков, вопроса об установлении массы (количество) наркотиков и др.).

Сведения, полученные путем судебной экспертизы, могут использоваться при производстве ряда следственных действий, например, при допросе подозреваемого, свидетелей и проч. При использовании полученных сведений следователь должен обращать внимание на пределы доказывания, достоверность и юридическое значение заключения эксперта. Результаты судебной экспертизы должны находиться в общей связи с другими материалами и доказательствами, а также в непосредственной связи с задачами расследования преступления.

Заключение эксперта является процессуальным документом, используемым при расследовании уголовных дел. Это доказательство научно-профессионального характера. Органы следствия должны рационально использовать данное заключение, исключая его произвольное толкование. Органам следствия необходимо правильно оценивать и тщательно анализировать результаты экспертного исследования, а также гибко использовать их при расследовании уголовных дел.

Таким образом, назначение судебных экспертиз является самостоятельным следственным действием, испол-

зуемым органами следствия для определения виновного, способа, средства, орудия и предмета (наркотиков) преступления и т.д. Результаты рассматриваемого следственного действия могут послужить основой для применения принудительных мер или производства следственных действий, например, задержания, допроса, обыска и др. С помощью заключения эксперта органы следствия могут обнаружить новые преступные методы производства наркотиков, способы подготовки, совершения и сокрытия преступления, причины и условия совершения преступлений данной категории, а также недостатки работы правоохранительных органов в сфере борьбы с незаконным оборотом наркотиков.

Литература

1. Буй Киен Диен. Наука уголовного расследования / Буй Киен Диен. Ханой : Народная полиция, 2017. 255 с.
2. Журавлева О.С. Вопросы исследования следов наслоений наркотических средств и психотропных веществ / О.С. Журавлева // Наркоконтроль. 2013. № 3. С. 23–24.
3. Иванова Е.В. Некоторые вопросы дифференциации ошибочных и заведомо ложных заключений экспертов по делам о наркопреступлениях / Е.В. Иванова // Наркоконтроль. 2014. № 1. С. 22–25.
4. Криминалистика : учебник / под общей редакцией В.А. Жбанкова. Москва : Изд-во Российской таможенной академии. 2012. 514 с.
5. Криминалистика : учебник / Т.В. Аверьянова, Е.Р. Россинская, Р.С. Белкин, Ю.Г. Корухов. 4-е изд., перераб. и доп. Москва : Норма: НИЦ Инфра-М, 2013. 928 с.
6. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе / Е.Р. Россинская. 3-е изд., доп. Москва : Норма: ИНФРА-М, 2011. 736 с.
7. Тактика следственных действий (осмотр места происшествия и допроса) : научно-методическое пособие / под редакцией А.И. Дворкина, Л.В. Бертовского. Москва : Экзамен, 2011. 815 с.
8. Хмелева А.В. Отдельные вопросы назначения судебных экспертиз и оценки заключения экспертов / А.В. Хмелева // Эксперт-криминалист. 2015. № 2. С. 23–25.

¹ Криминалистика : учебник / Т.В. Аверьянова, Е.Р. Россинская, Р.С. Белкин, Ю.Г. Корухов. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Норма: НИЦ Инфра-М, 2013. С. 401.

² Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе / Е.Р. Россинская. 3-е изд., доп. М. : НОРМА: ИНФРА-М, 2011. С. 24.

³ Криминалистика : учебник / под общ. ред. засл. юриста РФ, д-ра юрид. наук, проф. В.А. Жбанкова. М. : Изд-во Российской таможенной академии, 2012. С. 225.

⁴ Буй Киен Диен. Наука уголовного расследования. Ханой : Изд-во «Народная полиция». 2017. С. 188.

⁵ Моисеенко И.Я. Назначение судебных экспертиз при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2010. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/naznachenie-sudebnyh-ekspertiz-pri-rassledovanii-prestupleniy-svyazannyh-s-nezakonnyim-oborotom-narkoticheskikh-sredstv> (дата обращения: 22.11.2019).

⁶ Тактика следственных действий (осмотр места происшествия и допроса) : научно-методическое пособие / под ред. канд. юрид. наук А.И. Дворкина, доктора юрид. наук Л.В. Бертовского. М. : Изд-во «Экзамен», 2011. С. 368.

⁷ Соловьева А.С. Некоторые вопросы назначения и проведения предварительных и судебно-экспертных исследований по делам о незаконном обороте наркотических средств и психотропных веществ // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2015. № 1 (29). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-voprosy-naznacheniya-i-provedeniya-predvaritelnyh-i-sudebno-ekspertnyh-issledovaniy-po-delam-o-nezakonnom-oborote> (дата обращения: 22.11.2019).

⁸ Bảo Linh. Những vướng mắc trong công tác giám định ma túy và một số giải pháp: URL: <http://csnd.vn/Home/Nghien-cuu-Trao-doi/6063/Nhung-kho-khan-vuong-mac-va-de-xuat-giai-phap-trong-hoat-dong-giam-dinh-ma-tuy> (дата обращения: 27.11.2019).

Пресс-релиз

Международной научно-практической конференции «Актуальные вопросы судебно-экспертной деятельности, современные проблемы, тенденции и перспективы развития криминалистики и судебной экспертизы» (25–27 сентября 2019 года, Республика Армения)

Конференция «Актуальные вопросы судебно-экспертной деятельности, современные проблемы, тенденции и перспективы развития криминалистики и судебной экспертизы», прошедшая в г. Ереване 25–27 сентября 2019 года, была приурочена к 15-летию основания государственной некоммерческой организации «Национальное бюро экспертиз» Национальной академии наук Республики Армения. Она стала своеобразной площадкой для консолидации научного потенциала судебно-экспертных организаций Республики Армения и зарубежных партнерских организаций, выявления и анализа задач, возникающих перед экспертами в современных условиях, объединения усилий по определению эффективных путей их решения, презентации достижений, формирования направлений взаимного продуктивного сотрудничества.

В юбилейных торжествах приняли участие свыше 300 судебных экспертов и криминалистов, специалистов по различным смежным направлениям науки и техники из Армении и других стран. Это были не только ученые и практики в области судебно-экспертной деятельности, но и представители законодательной, исполнительной, судебной и других ветвей государственной власти, члены Президиума Национальной академии наук РА, высшее руководство Генеральной прокуратуры РА, Полиции РА, Национальной службы безопасности РА, Следственного комитета РА, Специальной следственной службы РА, а также представители дипломатических миссий РА, ведущие специалисты в области юриспруденции, здравоохранения, образования и науки Армении.

Рабочими языками конференции стали армянский, русский и английский (осуществлялся синхронный перевод на все рабочие языки конференции).

На открытии конференции с приветственным словом выступил директор Национального бюро экспертиз, заведующий кафедрой судебной медицины Национального института здравоохранения Министерства здравоохранения РА, кандидат медицинских наук Аргам Норайрович Овсепян. Он отметил, что за прошедшие 15 лет при активном содействии правительств Республики Армения и США коллективу Национального бюро экспертиз удалось сформировать в стране крупнейшую судебно-экспертную организацию, которая с 2011 года является полноправным членом Европейской сети судебно-экспертных учреждений и в настоящее время в полном объеме качественно реализует цели и задачи, ради которых была создана.

В рамках торжественной части программы конференции помощником Премьер-министра РА Н.З. Саргсяном было зачитано официальное приветствие Премьер-министра РА Н.В. Пашиняна, в котором наряду с сердечными поздравлениями по случаю юбилейной даты и пожеланиями дальнейшего процветания, реализации намеченных планов, инновационных решений была отмечена важность проведения объективных, научно обоснованных судебных экспертиз и экспертных исследований во благо развития и укрепления правовой системы Республики Армения.

Председатель программного комитета конференции Генеральный прокурор РА А.С. Давтян, приветствуя присутствующих, подчеркнул, что масштаб конференции, посвященной 15-летию основания Национального бюро экспертиз, является беспрецедентным для судебно-экспертного сообщества Армении по формату, значимости и широкому международному охвату. Он пожелал коллективу продолжать плодотворную и результативную деятельность, а также новых свершений в столь ответственной и нелегкой сфере, какими являются судебная экспертиза и криминалистика.

Президент Национальной академии наук РА Р.М. Мартиросян в приветственном слове особо подчеркнул значимость выпуска первого номера периодического издания «Армянский журнал судебной экспертизы и криминалистики» в Республике Армения, а также высоко оценил проведение столь представительной международной конференции в области судебной экспертизы, которая, по его мнению, послужит новым стимулом для развития научного потенциала в данной области.

С поздравительными обращениями выступили также заместитель посла США в Армении Кристофер У. Смит, заместитель директора Службы национальной безопасности РА А.Г. Акопян, и.о. начальника полиции РА А.Г. Саргсян, министр по чрезвычайным ситуациям РА Ф.Х. Цолакян, заместитель министра здравоохранения А.Т. Аванесян, проректор Академии юстиции А. Манасян, руководители зарубежных судебно-экспертных организаций Казахстана, Молдовы, Польши, Российской Федерации, Румынии, Украины, Швейцарии и почетные гости из других стран.

В ходе пленарного заседания 25 сентября были заслушаны доклады директора Национального бюро экспертиз А.Н. Овсепяна, директора Института судебных экспертиз, заведующей кафедрой судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктора юридиче-

ских наук, профессора Е.Р. Россинской, директора по научной работе Института почерковедения Швейцарии, кандидата технических наук Ю. Чернова, начальника отдела судебно-инженерных экспертиз Национального института судебных экспертиз Министерства юстиции Румынии, руководителя рабочей группы анализа ДТП Европейской сети судебно-экспертных институтов Ф. Рушитору, директора Киевского научно-исследовательского института судебных экспертиз, кандидата юридических наук А.Г. Рувина, директора Харьковского научно-исследовательского института судебных экспертиз имени заслуженного профессора Н.С. Бокариуса Министерства юстиции Украины, доктора юридических наук, профессора А.Н. Ключева, первого заместителя директора Российского федерального центра судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора А.И. Усова.

В рамках конференции работали четыре секции, в докладах участников которых отразился междисциплинарный характер судебно-экспертных исследований:

1) актуальные вопросы криминалистики и судебно-экспертной практики;

2) актуальные вопросы судебной медицины и экспертной практики;

3) актуальные задачи экспертиз обстоятельств дорожно-транспортных происшествий, возможности практического применения современного оборудования и программного обеспечения;

4) роль и особенности применения метода дендрохронологического исследования в сфере судебно-ботанической и экологической экспертиз.

Работа секций конференции проходила 26 и 27 сентября 2019 года. В рамках секционных заседаний также состоялись круглые столы, воркшопы по различным темам, затрагивающим актуальные научные и практические вопросы судебной экспертизы и криминалистики.

Подробнее с информацией о Программном и Организационном комитетах конференции, участниках, программе конференции и с другими материалами можно ознакомиться на сайте Международной научно-практической конференции «Актуальные вопросы судебно-экспертной деятельности, современные проблемы, тенденции и перспективы развития криминалистики и судебной экспертизы» (www.conf.nbe.am).

КОГДА ВЕРСТАЛСЯ НОМЕР

Уважаемые коллеги!

Сообщаем, что на Национальную премию по литературе в области права в 2020 году по криминалистике номинированы следующие работы.

Членом Оргкомитета Московским государственным юридическим университетом имени О.Е. Кутафина (МГЮА):

Криминалистика: учебник (уровень специалитета). М. : Проспект, 2019. 616 с. ISBN 978-5-392-30597-1; DOI110.31085/9785392305971-2019-616.

Соредакторы: Бастрыкин Александр Иванович, председатель Следственного комитета РФ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ; Ищенко Евгений Петрович, заведующий кафедрой криминалистики Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ; Комиссарова Ярослава Владимировна, доцент кафедры криминалистики Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент.

Учебник подготовлен авторским коллективом из числа ведущих специалистов вузов России в области криминалистики под эгидой Московского государственного университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) и Московской академии Следственного комитета Российской Федерации.

Рецензенты: кафедра уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета; кафедра криминалистики Саратовской государственной юридической академии.

Членом Оргкомитета главным редактором журнала «Эксперт-криминалист» Я.В. Комиссаровой:

1. История криминалистической практики и науки (X в. — середина XX в.). М. : Юрлитинформ, 2019. 240 с. ISBN 978-5-4396-1754-8

Автор: Кустов Анатолий Михайлович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации. **Рецензенты:** Гаврилов Б.Я., доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации; Воронин М.Ю., доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

Одобрено учебно-методическим советом Академии управления МВД России.

2. Предварительное исследование материальных следов на месте дорожно-транспортного происшествия. Хабаровск : ДВЮИ МВД России, 2018. 311 с.: табл., цв. ил. ISBN 978-5-7953-0249-6

Авторы: Сыромля Лариса Борисовна, кандидат юридических наук, Хрусталёв Виталий Николаевич, доктор юридических наук, профессор. **Рецензенты:** Майлис Н.П., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ; Зайцева Е.А., доктор юридических наук, профессор.

Издано по решению редакционно-издательского совета Дальневосточного юридического института МВД России.

Монография включена в число номинантов по итогам общественного обсуждения (см. сайт Международной ассоциации содействия правосудию: <https://www.iauj.net/node/2329>).